

Иоахим КРАУЗЕ,
профессор, заведующий кафедрой
международных отношений
Университета Килья

Оценка вероятности войны: сходства и различия между Европой в 1914 г. и Восточной Азией в 2014 г.¹

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются структурные сходства между стратегической ситуацией в Европе летом 1914 года и в Восточной Азии в настоящее время, причем особое внимание уделяется вероятности начала крупномасштабной войны. Автор анализирует сходства, связанные с характером международной системы: так, ставится вопрос о том, является ли современная международная система открыто анархичной или же характеризуется тем, что ее основные участники обладают более или менее ясным пониманием механизмов и институтов, необходимых для поддержания мира и организации экономического обмена. В статье рассматриваются внутренние факторы (национализм, демократические, авторитарные или полудемократические режимы) и военная динамика с учетом особенностей географии и доступности военной техники и военных технологий. Рассматриваются также возможные сценарии военной эскалации. Особое внимание уделяется го-

сударствам, изолировавшим себя от внешнего окружения и располагающим военными средствами, которые могли бы позволить им одержать быструю победу над потенциальным противником. Автор приходит к выводу, что хотя число сходств между Европой в 1914 году и современной Восточной Азией очень невелико, высокая степень милитаризации на Корейском полуострове и углубление военного соперничества между США и Китаем в регионе указывают на возможность начала крупного вооруженного конфликта в не слишком отдаленном будущем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Первая мировая война, Европа, Восточная Азия, конфликт.

Стратегические изменения, происходящие в настоящий момент в Северной и Юго-Восточной Азии, характеризуются значительной степенью неопределенности. Наблюдатели все чаще указывают на опасность вооруженного конфликта в регионе – более того, обсуждается даже угроза начала полномасштабной войны. Действительно, можно выде-

¹ Перевод осуществлен А.Е. Дековым по изданию: Krause J. Assessing the danger of war: parallels and differences between Europe in 1914 and East Asia in 2014 // International Affairs, 2014. №6 (90). P. 1421-1451. DOI: 10.1111/1468-2346.12177

лить длинный ряд признаков, вызывающих опасения: подъем Китая (как экономический, так и военный), американский «поворот к Азии» (что, по сути, означает усиление военного присутствия США в регионе), растущее беспокойство Японии, придерживающейся принципов пацифизма, а также непрекращающиеся проблемы, связанные с угрозами применения Северной Кореей ядерного оружия. Все эти потенциальные источники напряженности, в сочетании с открытыми противоречиями в отношении спорных вод в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а также с нерешенным вопросом Тайваня и многими другими малыми и средними конфликтами в регионе, не предвещают ничего хорошего. Региональные учреждения пытаются решать эти вопросы дипломатическими способами, однако достаточно одного взгляда на результаты их деятельности, чтобы распрощаться с иллюзиями: как наглядно показали итоги сингапурского саммита «Диалог Шангри-ла», проведенного Международным институтом стратегических исследований в мае 2014 года, дипломатических решений проблем региона на горизонте не предвидится. Соединенные Штаты в довольно грубой форме обвинили Китай в односторонних действиях, дестабилизирующих регион, тогда как Китай жестко раскритиковал США за создание и расширение союзов, направленных против Китая. Проявления подобной «неумеренности» в высказываниях можно было наблюдать и в поведении представителей правительств других стран региона [Cooper H., Perlez J., 2014: AI].

В течение многих лет Европа слышала от Азии заверения в том, что катастрофа 1914 года не повторит-

ся и в их регионе. Однако в последнее время оценки стратегического положения в Азии звучат все менее оптимистично. После произошедшей в 2012 году конфронтации между Китаем и Японией вокруг ряда небольших необитаемых островов, а также после недавних столкновений между Китаем и Вьетнамом в Южно-Китайском море возникает следующий вопрос: станет ли Восточная Азия театром крупномасштабной войны, в которой примут участие Китай, США, Япония и, возможно, другие страны? Может ли Восточная Азия стать регионом, в котором начнется Третья мировая война? В 2014 году встает неизбежный вопрос о том, имеются ли сходства между современной Восточной Азией и Европой периода 1914 года. Как и в Азии несколько лет назад, в первое десятилетие двадцатого века считалось, что Европе ожидает продолжительный период мира. С 1871 года в Европе не было ни одной крупной войны, а экономики европейских государств росли и все сильнее переплетались; среди различных национальных сообществ наблюдалось множество сходств с точки зрения социального, экономического и внутривнутриполитического развития, а также в сферах культуры, образования и науки. Все государства боролись с одними и теми же социальными проблемами и искали ответы на одни и те же вопросы, а именно: как преодолеть огромный разрыв между богатыми и бедными и как справиться с противоречиями между силами современности и авторитетом традиций.

Находится ли современная Азия на пути к повторению той судьбы, которую Европа избрала летом 1914 года? Один из подходов, использую-

щихся для ответа на данный вопрос, состоит в поиске исторических аналогий, а также в извлечении из истории 1914 года уроков, которые можно было бы применить сегодня, в 2014 году. Так, например, в январе 2014 года премьер-министр Японии Синдзо Абэ заявил, что стремительный рост Китая сопоставим с подъемом Германской империи более 100 лет назад и что, соответственно, такой подъем сопряжен с риском крупномасштабной войны [Perlez J., 2014:A8]. Пол Сондерс даже называл Пекин «новым Берлином», «столицей уверенной в себе растущей державы, недовольной существующим международным порядком» [Saunders P., 2014]. Другие эксперты были более осторожны в своих высказываниях, как, например, британский историк Маргарет МакМиллан [см.: MacMillan M., 2013; Bisley N., 2014], однако все же указывали на ряд сходств между этими двумя ситуациями.

Такое сравнение перекликается с дискуссиями, посвященными теории международных отношений. Структурные реалисты всегда подчеркивали риски, связанные с появлением новых держав. Принято считать, что расцвет новых держав ведет к конфронтации между ними и старыми государствами, которые стараются защитить свой статус или созданный ими международный порядок от посягательств со стороны новых государств [см.: Friedberg A. L., 2011: 39; White H., 2012: 59–60; Xuetong Y., 2011: 202–203; Mearsheimer J., 2010: 381–396; Gilpin R., 1981: 198–210]. В своей статье гарвардский ученый Грэхам Аллисон назвал данный феномен «ловушкой Фукидида». Аллисон пишет: «Если исходить из истори-

ческого опыта, то ответ на вопрос о «ловушке Фукидида» представляется очевидным. Начиная с 1500 года при появлении восходящей державы, способной бросить вызов господствующей державе, в 11 из 15 случаев начиналась война. В качестве примера можно привести Германию после объединения, которая обогнала Великобританию, заняв ее место как крупнейшая экономика Европы. В 1914 и 1939 годах агрессия со стороны Германии и ответная реакция Великобритании стали причинами двух мировых войн» [Allison G.Y., 2012].

При оценке вероятности начала войны в Восточной Азии подход с точки зрения «ловушки Фукидида» звучит убедительнее либерально-институциональных теорий, в которых, как правило, подчеркивается благотворное для поддержания мира воздействие международной торговли, экономической взаимозависимости и контактов между странами и обществами.²

В десятилетия, предшествующие Первой мировой войне, в мире отмечались значительные темпы роста международной торговли и иностранных инвестиций, а также увеличение масштабов международных перевозок и коммуни-

² Традиционная концепция «мир через торговлю» была сформулирована в работе: Angell N. The great illusion: a study of the relation of military power in nations to their economic and social advantages. London: Heinemann, 1906, а также в работе: Schumpeter J. Sociology of imperialism // The economics and sociology of capitalism / ed. by Swedberg R. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991 (впервые опубликована в 1919 году). Более поздние сторонники теории «мира через торговлю»: Mueller J. Capitalism, democracy and Ralph's pretty good grocery. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999; Weede E. The capitalist peace and the rise of China: establishing global harmony by economic interdependence // International Interactions, 2010. №2. P. 206–213; Oneal J.R., Russett B. Assessing the liberal peace with alternative specifications: trade still reduces conflict // Journal of Peace Research, 1999. №4. P. 423–442. Критическое рассмотрение теории свободной торговли и мира: de Haer E. van. The liberal divide over trade, peace and war // International Relations, 2010. №2. P. 132–154; Barbieri K., Schneider G. Globalization and peace: assessing new directions in the study of trade and conflict // Journal of Peace Research, 1999. №4. P. 387–404.

каций. Однако высокий уровень глобализации и взаимозависимости не оказал ощутимого влияния на готовность европейских держав начать войну. Вернее будет сказать, что успех либеральных международных экономических систем девятнадцатого века высвободил экономические силы и процессы, которые в итоге стали стимулами для структурных сдвигов в военной сфере, что, в свою очередь, соответствовало теориям политических реалистов, которые основными причинами сдвигов в балансе сил считают факторы экономического и технологического характера [см.: Kennedy P.M., 1987]. Ситуация, наблюдаемая сегодня в Восточной Азии, принципиальным образом не отличается от положения в Европе перед началом Первой мировой войны. Мы вновь наблюдаем международный экономический порядок либерального толка, высвободивший экономические силы и процессы (прежде всего связанные с экономическим подъемом Китая, но также с развитием других стран), которые, в свою очередь, воплощаются в виде структурных изменений в военной сфере. В стратегическом балансе сил в Восточной Азии происходят существенные изменения. Теории, опирающиеся на либеральный институционализм, оставляют некоторую надежду, что в этот раз события развернутся по-иному [см. подробнее: Goldsmith B.E., 2007]. Однако если этого не произойдет, то уже теория политического реализма предоставит соответствующие концепции и инструменты, необходимые для понимания динамики конфликта, имеющего потенциал перерасти в полномасштабную войну.

Эта статья посвящена поиску *структурных аналогий* между ситуациями в 1914 и 2014 годах. Исследование состоит из двух частей. Во-первых, будет протестирована широко применяемая сегодня теория «ловушки Фукидида», чтобы определить, может ли она обеспечить исследователей подходящим инструментарием для анализа релевантных структурных аналогий между Европой в 1914 году и Азией в 2014 году, и, в частности, чтобы выяснить ее полезность с точки зрения *прогнозирования вероятности начала крупной войны*. Во второй части статьи будут рассмотрены альтернативы этой теории, поскольку автор приходит к выводу, что теория «ловушки Фукидида» не обеспечивает исследователей надежными инструментами для понимания движущих сил, стоящих за Первой мировой войной, и что как инструмент прогнозирования вероятности начала крупномасштабного конфликта в Восточной Азии данная теория имеет лишь ограниченную ценность. В лучшем случае она может помочь выделить ряд релевантных факторов, которые могут оказаться полезными для оценки вероятности крупного конфликта. Авторы одной из статей, недавно опубликованной в журнале *«International Security»*, приходят к аналогичному выводу [Chong J.I., Hall T.H., 2014: 7–43]. Однако они проводили лишь относительно широкие исторические аналогии и не рассматривали военный, географический и экономический аспекты. Данная статья охватывает более широкий набор факторов, причем особое внимание уделяется характеру международной системы, роли национализма, сущности военных стратегий, доктрин, военных

сил и факторов повышения боеспособности, роли географии и логике войны. Автор приходит к выводу, что история Первой мировой войны не повторится в Восточной Азии, но что, тем не менее, есть основания задуматься о появлении в будущем рисков полномасштабного стратегического столкновения между Соединенными Штатами и Китаем в двух конкретных районах Восточной Азии и что такая конфронтация может иметь далеко идущие последствия.

Пределы применения теории «ловушки Фукидида»

Почему теория «ловушки Фукидида» более применима к текущей ситуации в Восточной Азии, чем к ситуации в Европе 100 лет назад? Ответ довольно прост: изменение соотношения сил на европейском континенте, происходившее в начале двадцатого века, было относительно медленным, тогда как сдвиги, имеющие место сегодня в Восточной Азии, носят основательный характер. То, что мы наблюдаем сегодня, представляет собой разворот вспять глобального тренда, укрепившегося в восемнадцатом веке, а именно – господство западного мира (с точки зрения экономической деятельности, технологического прогресса и военных потенциалов) над такими традиционными державами Азии, как Китай, Персия, Османская империя, Япония и Индия [см.: Jones E., 2003; Maddison A., 2003; Maddison A., 2007; North D.C., Thomas R.P., 1973; Pomeranz K., 2000]. Начиная с 1820 года мировое экономическое развитие набирало все больший темп, особенно в западных государствах (Европа и Северная Америка), кото-

рые росли гораздо более динамично, чем остальные страны мира. В период между 1820 и 2006 годами средний ВВП западных государств увеличился в 21 раз, в то время как во всем остальном мире этот показатель вырос лишь в восемь раз [Maddison A., 2008: 76]. Сегодня Китай догоняет Запад по темпам экономического роста и в течение следующего десятилетия, вероятно, обойдет США по объему производства. Принимая во внимание данные перспективы, а также огромный человеческий капитал Китая, в обозримом будущем КНР может оказаться в состоянии занять положение господствующей экономики в мире.

С точки зрения демографии Китай численно превосходит США, Европу и Россию вместе взятые, и хотя в отношении промышленных мощностей КНР все еще отстает от США и Европы (Россию в данном случае можно оставить за рамками), эта ситуация, вероятно, также изменится. В период между 1978 и 2003 годами средний темп годового роста Китая достигал 7,85 процентов (по сравнению с 2,49 процентами роста США), в то время как доход на душу населения за этот период повышался в среднем на 6,57 процентов в год [Maddison A., 2008:84]. Начиная с 2000 года темпы годового роста Китая варьируются от 8,3 до 11,6 процентов (см. табл. 1), и КНР стремится использовать свой постоянно растущий технологический и промышленный потенциал для приобретения новых средств ведения войны и расширения своих военных возможностей. Начиная с 1990 года расходы Китая на оборону увеличивались в среднем более чем на 10 процентов в год. Китай, судя по

Таблица 1. Сравнение годовых темпов экономического роста (%)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Китай	8,4	8,3	9,1	10,0	10,1	10,4	11,6	11,4	8,9	8,68	10,13
Индия	3,94	5,15	4,09	8,61	6,9	8,43	9,69	9,03	7,0	7,56	8,5
Япония		0,16	0,26	1,46	2,72	1,87	2,21	2,03	-0,7	-5,27	4,36
США	4,14	1,08	1,81	2,49	3,57	3,05	2,67	1,95	0,0	-2,63	2,40

Источник: Acharya A. Can Asia lead? Power ambitions and global governance // International Affairs, 2011. №2. Р. 857. Таблица основана на данных, приводимых Департаментом сельского хозяйства США.

всему, не стремится обгонять Соединенные Штаты с точки зрения глобального военного потенциала, однако он, без сомнения, намерен создать противовес текущим позициям США в восточноазиатском регионе. Китай извлекал и продолжает извлекать выгоду из международной системы (в частности, из международного порядка, поддерживающего принципы свободной торговли), созданной Соединенными Штатами и их союзниками по окончании Второй мировой войны. Китайское руководство прекрасно осознает, какую пользу оно извлекает из действующего международного экономического порядка, и оно глубоко заинтересовано в его поддержании. Тем не менее Китай придерживается собственных взглядов по ряду элементов существующей международной системы (таких, как уважение индивидуальных прав человека, уважение к государственному суверенитету других держав, реализация принципа многосторонности, а также роль Соединенных Штатов и Запада как основных опор существующего порядка), и в отношении этих элементов он проводит самостоятельную политику, особенно в своем непосредственном региональном окружении.

Если обратиться к истории подъема Германии в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков, то можно наблюдать совсем иную картину. Как показывают данные по средним темпам годового роста (как общий рост ВВП, так и рост ВВП на душу населения), темпы экономического роста Германии в период между 1870 и 1913 годами были выше, чем аналогичные показатели Франции и Великобритании, однако различия не были существенными (см. табл. 2).

В более мелких государствах, таких как Дания и Швеция, отмечались схожие с Германией темпы роста, и, что более важно, в Соединенных Штатах и России наблюдались значительно более высокие показатели экономического роста по сравнению с Германией. К 1913 году Германия опередила Великобританию по показателям ВВП, однако лишь при условии сравнения данных по территориям метрополий, т.е. без учета заморских владений. Если же включать колониальные владения, то ВВП Великобритании оказывается почти вдвое выше показателя Германии [Broadberry S., Broadberry S. N., 2005: 23–26]. Что касается уровня индустриализации, Германия обогнала Францию в 1880-е годы,

Таблица 2. Темпы годового экономического роста государств Европы и Северной Америки, 1870-1913 (%)

Страна	Совокупные среднегодовые темпы роста	
	ВВП	ВВП на душу населения
Австро-Венгрия	2,4	1,5
Канада	4,1	2,3
Дания	2,7	1,6
Франция	1,5	1,3
Германия	2,8	1,6
Италия	1,9	1,4
Нидерланды	2,3	1,0
Россия	3,4*	нет данных
Швеция	2,2	1,5
Швейцария	2,1	1,2
Великобритания	1,9	1,0
США	3,9	1,8

*Данные только по периодам 1885–1899 (3,5%) и 1900–1913 (3,2%).

Источники: Kennwood A. G., Loughheed A. L. The growth of the international economy 1820–2000. London and New York: Routledge, 1999. P. 20; Maddison A. Dynamic forces in capitalist development. Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 49–50; Meliantsev V.A. Russia's comparative economics in the long run // Social Evolution and History, 2004. №1. P. 106–136.

но к 1913 году так и не смогла достичь уровня Великобритании (табл. 3). В 1913 году относительная доля промышленного производства в экономике Германии была на одном уровне с Великобританией, однако значительно ниже по сравнению с США. Что касается ВВП на душу населения, в 1914 году Германия все еще отставала от Великобритании и находилась на одном уровне с Францией. В 1900 году Германская империя опережала Великобританию лишь в производстве передельного чугуна и стали. К 1910 году Германия производила почти вдвое больше стали, чем Великобритания, и на 50 процентов больше сырой стали [Holborn H., 1969: 376]. В Соединенных Штатах, однако, наблюдался значительно более высокий рост производства стали и передельного чугуна. В 1914 году общий объем производства США в обеих областях был выше, чем совокупные показатели Германии, Великобритании и Франции [см.: Mitchell B.R., 1998].

Даже с точки зрения роста населения Германия не являлась единственным быстро изменяющимся государством в Европе. В период

Таблица 3. Относительные доли глобального промышленного производства: Европейские и другие страны, 1750–1914 (%)

Страна	1750	1800	1830	1860	1880	1900	1913
Великобритания	1,9	4,3	9,5	19,9	22,9	18,5	13,6
Франция	4,0	4,2	5,2	7,9	7,8	6,8	6,1
Германия	2,9	3,5	3,5	4,9	8,5	13,2	14,8
Австрия	2,9	3,2	3,2	4,2	4,4	4,7	4,4
Россия	5,0	5,6	5,6	7,0	7,6	8,8	8,2
США	0,1	0,8	2,4	7,2	14,7	23,6	32,0
Прочие страны*	73,0	66,7	60,5	36,6	20,9	11,0	7,5

*В основном Китай и Индия

Источник: Bairoch P. International industrialization levels from 1750 to 1980 // Journal of European Economic History, 1982. №1-2. P. 2

между 1870 и 1914 годами население страны увеличилось с 40,8 до 67,8 млн человек, т.е. рост составил 66 процентов. Германия значительно опережала Францию по скорости роста населения – в последней за тот же период прирост составил лишь 5 процентов, с 37,6 до 39,5 млн человек. При этом население России увеличивалось с той же скоростью, что и население Германии: с 85 до 140 миллионов человек за тот же период. Более того, даже значительного роста населения Германии по сравнению с Францией было недостаточно для того, чтобы нарушить военное равновесие. В начале 1914 года число немецких солдат в мирное время было ниже, чем число французских солдат, и даже после объявления все-

общей мобилизации между армиями обеих стран наблюдался относительный паритет (табл. 4 и 5).

Все эти данные свидетельствуют о том, что Германия догнала Францию и Великобританию по показателям промышленного развития, тем самым преодолев 20 лет отставания от Франции и 40 лет отставания от Великобритании, являвшиеся результатом территориальной раздробленности Германии в первой половине девятнадцатого века. Тем не менее рост Германии не сопровождался упадком Франции или Великобритании [см.: Neilson K., 1991: 695–725; Aaron L., Friedberg A.L., 1998]. Напротив, как Великобритания, так и Франция продолжали развиваться в период экономического

Таблица 4. Численность основных европейских армий в 1914 году

Страна	Численность по штатам мирного времени	Численность по штатам военного времени	Численность на конец августа 1914 года
Австро-Венгрия	478 000	1 338 000	2 300 000
Франция	827 000	1 800 000	3 781 000
Германия	761 000	2 147 000	3 822 000
Россия	1 445 000	3 400 000	4 000 000
Великобритания	248 000	400 000	1 000 000

Источник: Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Vol. 1. Berlin: Mittler & Sons, 1925. P. 498.

Таблица 5. Численность личного состава сухопутных войск и военно-морских сил крупных европейских держав, 1880–1914 годы

Страна	1880	1890	1900	1910	1914
Австро-Венгрия	246 000	346 000	385 000	425 000	444 000
Франция	543 000	542 000	715 000	769 000	910 000
Германия	426 000	504 000	524 000	694 000	891 000
Россия	791 000	677 000	1 162 000	1 285 000	1 352 000
Великобритания	367 000	420 000	624 000	571 000	532 000

Источник: Kennedy P.M. The rise and fall of the Great Powers. New York: Random House, 1987. P. 203. Таблица основана на данных из Wright Q. A study of war. Vol. 1. Chicago: Chicago University Press; 1943. pp. 670–672 (tables 58–60).

расцвета Германии (хотя, как и следовало ожидать, они развивались медленнее, чем Германия, более поздно вступившая на путь промышленного развития), причем обе страны имели сильные и здоровые экономики, а также эффективные военные структуры. Кроме того, они не только консолидировали свои колониальные владения, но захватили почти каждое «белое пятно» в Африке в период между 1880 и 1914 годами. К моменту начала войны в 1914 году Франция и Великобритания в совокупности контролировали почти треть территории земного шара, а вместе с Россией они притянули более чем на половину планеты. Единственным государством с достаточным уровнем экономического и военного развития, потенциально способным бросить вызов утвердившимся в Европе державам, являлись Соединенные Штаты Америки, которые по силе уже превосходили все крупные европейские государства вместе взятые. Однако Россия также могла похвастаться впечатляющими темпами роста, что означало, что Германия более не являлась единственным государством в Европе, стремящимся ликвидировать отставание от других держав.

Основной дипломатической проблемой конца девятнадцатого века был поиск ответа на вопрос о том, как интегрировать «запоздавшую» Германию в существующую систему европейских государств [Steinberg J., 2013: 248] и как подготовиться к ожидаемому подъему значительно более крупной по размерам России, а также к включению в международную систему даже еще более сильных Соединенных Штатов Америки. Многие исследователи считали, что Великобритания была ведущей дер-

жавой того времени и что она, таким образом, несла на себе ответственность за поддержание международного порядка [см.: Ikenberry G.J., 2001: 80–116; Parchami A., 2009: 61–164; Young P., 2009: 145–197; Reynolds D., 2001: 36–61]. Хотя никто не оспаривал ключевую роль Великобритании в глобальной системе, внутри самой Европы она была одной из четырех или пяти крупных держав, поэтому она не могла в одностороннем порядке навязывать свою волю другим государствам. Что касается вопроса поддержания стабильности в Европе, основной задачей Министерства иностранных дел Великобритании было сохранение баланса сил в Европе, причем саму по себе концепцию баланса сил, восходящую к восемнадцатому веку, трудно было воплотить на практике в условиях коренных перемен, происходивших в экономике, науке и обществе [см. подробнее: Otte T.G. 2013]. По крайней мере британский кабинет министров в Лондоне выражал озабоченность последствиями подъема Германии и вытекающим из этого российско-французским союзом для Европы. В 1898 и 1901 годах британское правительство предпринимало попытки обсудить с немецким правительством пути к переосмыслению отношений между двумя державами на дружественной основе, а также к поиску точек соприкосновения в решении проблем европейского и имперского характера. Эта историческая возможность, однако, была отвергнута кайзером Германии Вильгельмом II и его министром иностранных дел, а позднее канцлером Бернгардом фон Бюловом. Оба политика желали, чтобы Великобритания заняла четкую позицию либо как союзник, либо как враг Германии; оба отрицательно от-

носились к дипломатическим тонкостям и уловкам. Кроме того, в немецкой общественности все еще царили гнев и недовольство по поводу агрессии Великобритании в Южной Африке во время Англо-бурской войны, а кайзер Германии, со своей стороны, был намерен претворить в жизнь свои далеко идущие планы по строительству военно-морского флота [Albrecht-Carrie R., 1958: 226–231; Hildebrand K., 1995: 213–221]. После неудачи упомянутых попыток установить дипломатический диалог, который мог бы завершиться созданием военного союза, Германская империя рассматривалась Лондоном прежде всего как угроза интересам Великобритании. Британские дипломаты все чаще воспринимали Германию как угрозу для безопасности, как основного экономического конкурента и как серьезного соперника с точки зрения колониальных владений [см.: Kennedy P. M., 1987]. Начиная с 1904 года Великобритания уже не выступала агентом международного порядка в Европе [Kissinger H.A., 2014: 79].

По существу, в начале двадцатого века уже не существовало ни международного, ни европейского порядков. В начале девятнадцатого века среди крупных держав Европы действовал международный порядок, в соответствии с которым эти державы обязались воздерживаться от использования военной силы в двусторонних отношениях между собой и в рамках данных отношений обязались сотрудничать для разрешения местных и региональных споров дипломатическими средствами [см.: Rich N., 1992; Bridge R., Bullen R., 2005; Albrecht-Carrie R., 1968]. Однако этот «европейский концерт» постепенно размывался и ослабевал в

связи с Крымской войной и войнами за объединение Италии и Германии [Schroeder P.W., 1972]. Во всех этих конфликтах военная сила использовалась как обычное, «нормальное» средство политического взаимодействия, что оказало отрицательное воздействие на международный порядок, который до тех пор основывался на отказе от использования силы. По утверждению Генри Киссинджера, основная ответственность за ослабление «европейского концерта» лежала на Франции при Наполеоне III и на Пруссии при Бисмарке [Kissinger H. A., 1995: гл. 5]. Однако после 1871 года Канцлер Германии Отто фон Бисмарк вновь начал с переменным успехом трудиться над восстановлением данной системы. После его отставки в 1890 году ни Франция, ни Россия, ни Германия не проявили глубокой заинтересованности в возобновлении коллективной дипломатии, и хотя Великобритания предприняла несколько неуверенных попыток действовать в том направлении, они сошли на нет в 1912–1913 годах после относительно успешных усилий пяти держав по созданию албанского государства [см.: Crampton R. J., 1974: 393–419]. На передний план вышли другие начинания, включая расширение и защиту колониальных империй, а также поиск потенциальных коалиций, суливших военное превосходство. Европейская государственная система в конце девятнадцатого и начале двадцатого века знаменовалась полнейшей анархией, и именно эта анархия усложняла интеграцию стремительно развивающихся держав в международную систему [см.: Holborn H., 1951: гл. 3].

В 1860-е годы благодаря усилиям британской дипломатии появился

международный экономический порядок, основанный на принципе свободной торговли. Великобритания договорилась о подписании соглашений о свободной торговле с рядом правительств, объединенных в динамическую сеть из специальных пространств свободной торговли. Это привело к заметному росту объемов международной торговли и разделению труда, что, в свою очередь, способствовало усилению глобализации [Kennwood A. G., Loughheed A. L., 1999: 61–67; Strikwerda C., 1994: 1106–1129; Schroeder P., 1993: 1130–1138.] Германская империя получала заметную выгоду от свободной торговли и своим экономическим ростом во многом была обязана тем возможностям, которые ей предоставил этот международный экономический порядок. Однако в период перед 1914 годом этот порядок уже ослабевал: начиная с 1890 года во всех европейских государствах и в Соединенных Штатах были вновь введены тарифы, нацеленные на поддержание отечественной промышленности и сбор денег для обеспечения все новых правительственных учреждений [Kennwood A. G., Loughheed A. L., 1999: 71]. Германия не сыграла особой роли в разрушении международного экономического порядка – он был уничтожен действиями парламентов и правительств всех европейских столиц. Результатом стало снижение доли экспорта в общей экономической деятельности крупных европейских держав [Deutsch K.W., Eckstein A., 1961: 267–299].

Подводя итог, можно заявить, что теория «ловушки Фукидида» не обладает реальной объяснительной силой с точки зрения понимания событий, приведших к началу Первой

мировой войны. Данная теория имеет лишь ограниченную ценность как инструмент прогнозирования вероятности начала крупномасштабного конфликта в Восточной Азии. Хотя теория и помогает выделить ряд актуальных независимых факторов, последние носят столь общий характер, что их ценность остается весьма ограниченной. Эти факторы можно свести к следующим пунктам: (1) существование устоявшихся держав; (2) существование стремительно растущих и восходящих держав; и, в определенной степени, (3) существование международного порядка, оспариваемого развивающимися державами. Попытки объяснить возникновение войн с помощью этих общих фраз не слишком продуктивны. Разумно предположить, что в любой упорядоченной группе государств, в которой уже утвердившиеся державы соперничают с растущими державами (за право устанавливать собственный международный порядок или за влияние в целом), есть основания беспокоиться о риске возникновения войны. В этом заключается основная идея «ловушки Фукидида». Применительно к подъему Китая она означает, что в целом необходимо принимать во внимание возможность войны. Но «ловушка Фукидида» едва ли может помочь как инструмент оценки вероятности начала полномасштабного конфликта в Восточной Азии, особенно учитывая большое число потенциальных театров военных действий, выделяемых в регионе.

Поиск более широкого набора факторов

Для нахождения более эффективных инструментов оценки рисков войны в современной Восточной

Азии представляется целесообразным расширить рамки исследования и рассмотреть более полный набор факторов: в частности, выделить переменные, связанные с характером международной системы, существованием национализма и с соответствующими ролями военных стратегий, доктрин, военных сил и факторов повышения боеспособности, факторов географии и логики войны, и, наконец, выделить переменные, связанные с ролью международных институтов. Во всех перечисленных областях из опыта Первой мировой войны следует извлечь те уроки, которые представляется возможным применить к текущей ситуации.

Характер международной системы

Начало Первой мировой войны необходимо рассматривать как процесс, происходящий на фоне развития международной системы в начале двадцатого века [см.: Kennedy P. M., 1984: 7–40]. Как отмечалось выше, международная система того периода характеризовалась постепенным распадом европейского порядка безопасности, который на протяжении многих десятилетий позволял предотвращать (или по крайней мере сдерживал) использование военной силы крупными державами. Эта система безопасности, созданная в 1815 году, являлась «анархическим обществом» [см. подробнее Bull H., 1977]. Однако к концу девятнадцатого века ситуация переросла уже в полную анархию [см.: Schroeder P., 1986: 1–26]. Когда в 1871 году произошло объединение Германии, эта система, созданная почти на пятьдесят лет раньше, более не функционирова-

ла. Бисмарк осознавал ненадежность существующей международной системы и предпринимал усилия по восстановлению европейского порядка. Однако после его отставки в 1890 году этот возрожденный порядок вновь рухнул [Hildebrand K., 1995: гл. 1–4].³ Окончательное падение европейского порядка отмечалось многими политиками и обозревателями того времени, однако очень мало попыток предпринималось для его восстановления. В конце концов в Европе восторжествовали анархия и стремление к самообороне. Каким же образом эта анархия породила мировую войну? Какие уроки можно извлечь из этого исторического периода, чтобы лучше понимать текущую ситуацию?

Первая мировая война стала результатом такого положения в Европе, при котором одна из крупных держав (Германская империя) находилась в состоянии относительной изоляции (вместе с Австро-Венгрией, ненадежным и немощным с военной точки зрения союзником, а также с еще более слабой Италией), причем численное превосходство было на стороне военного союза, образованного Францией, Россией и Великобританией. В то время как Великобритания выступала за сохранение статус-кво (по крайней мере в отношении Европы), Франция и Россия преследовали (в различной степени и с разными намерениями) цели ревизионистского характера и, по существу, были готовы применить военную силу для удовлетворения своих амбиций. Интересы Германии в Европе были главным образом связаны с сохранением статус-кво

³ По словам Дж. Кеннана, этому порядку уже был нанесен удар в результате заключения союза между Францией и Россией [см.: Kennan G.F., 1979].

на континенте, однако Германская империя желала получить признание своего статуса глобальной державы (*Weltmacht*), обладающей колониями и пользующейся влиянием во всех частях мира (*Weltpolitik*). Она хотела стоять на равных с Великобританией и Францией.

Такое положение в Европе способствовало возникновению войны, поскольку все стороны-участники более или менее сознательно поспособствовали эскалации конфликта. Французская политика колебалась между ревизионизмом и ориентацией на оборону [см.: Albrecht-Carrie R., 1961: 29–41; Keiger J. F. V., 1983]. Франция хотела вернуть себе Эльзас и Лотарингию, а некоторые из французских политиков желали полностью уничтожить Германскую империю, созданную в 1871 году в результате победы Пруссии во Франко-прусской войне. Однако французские государственные деятели также осознавали, что по скорости роста экономики и населения Германия опережала Францию и что для победы последней понадобится поддержка сильных стран-союзников. Данная потребность, однако, вовлекала Францию в сферу масштабных геополитических амбиций Российской империи. Русский царь и его правительство намеревались объединить славянские страны под опекой России и в Австро-Венгрии и Германии видели основные препятствия на пути к достижению этой цели. Германия могла разрядить эту ситуацию, продолжив начатую Бисмарком политику осторожной и взвешенной дипломатии. Однако внешняя политика Германии после 1890 года носила непоследовательный характер, направлялась националистическими настроениями и свидетельствовала о переоцен-

ке Германией своих возможностей. Стратегические решения, принимаемые Германской империей, вели к катастрофическим последствиям (так, например, наращивание Германией морских вооружений привело к охлаждению отношений с Великобританией и к стремлению Германии создавать колонии). Многие представители немецкой политической элиты осознавали опасность растущей изоляции страны, но любые предложения о сближении с Великобританией наталкивались на скептицизм, недовольство и невежество [Hildebrand K., 1995: 213–221].⁴

В конечном счете поводом для развязывания войны стал (санкционированный государством) террористический акт, который в обычных условиях в худшем случае привел бы к ограниченному по масштабу региональному конфликту в Восточной Европе, но отнюдь не к полномасштабной войне. Для разрешения этого кризиса в кратчайшие сроки были приняты решения о подготовке дипломатических инициатив, предпринимались попытки вновь обратиться к неформальным институтам, таким как родственные связи между правителями Европы, с целью сдержать проявления агрессии. Однако во всех странах-участниках против подобных начинаний выступали влиятельные силы, которые в крупном европейском конфликте видели удобную возможность, самоцель или же просто неизбежное развитие событий. Все это в итоге повлияло на политические и военные процессы в Европе, которые, в свою очередь, предопределили

⁴ Одним из тех, кто призывал к сближению между Германией и Великобританией, но позже проявлял нерешительность по данному вопросу, был «серый кардинал» Министерства иностранных дел Германии Фридрих фон Гольштейн [см.: The Holstein papers..., 1958, тл. 9].

неизбежность надвигающейся катастрофы. Следующим после убийства австрийского эрцгерцога шагом в цепочке событий, приведших к началу Первой мировой войны, стал обстрел австрийской артиллерией Белграда 28 июля 1914 года, за которым последовало объявление Россией 30 июня всеобщей мобилизации, на которое Германия ответила объявлением войны России и Франции, и следующая за этим военная кампания Германии, в ходе которой последняя продвинулась глубоко внутрь французских земель в нарушение бельгийского нейтралитета, что, в свою очередь, стало поводом для вступления Великобритании в войну 30 июля 1914 года. В результате четырех лет войны погибло 8,6 млн солдат, около 5 млн гражданских лиц и было ранено более 22 млн солдат.⁵ Экономический ущерб от войны был огромен – стоимость войны оценивалась в сумму более 208 миллиардов долларов США (более одного триллиона *рейхсмарок*).⁶ Сразу после окончания войны в 1918–1920 годах разразилась крупная эпидемия гриппа, унесшая жизни около 50 млн людей, переживших войну [см.: Taubenberger J.K., Morens D.: 15–22].

Что заставило немецкое руководство объявить войну России и Франции в начале августа 1914 года и немедленно вторгнуться в Бельгию и Францию? Германия считала, что находится в положении отстающей и стратегически уязвимой державы, и все свои надежды вкладывала в стра-

тегию упреждающих действий. Уже весной 1914 года, а также раньше, в 1912 году, Хельмут фон Мольтке, начальник Генерального штаба Германии, призывал к развязыванию превентивной войны, поскольку он не видел никакого другого пути, которым Германия могла бы выбраться из текущего тяжелого положения. И действительно, стратегическое положение Германии было весьма невыгодным. Ситуация объяснялась рядом факторов [см.: Clark Chr., 2013; Strachan H, 2005; Stevenson D., 2004; Hamilton R.F., Herwig H.W., 2004; The outbreak..., 1997; Herrmann D.G., 1996; Tuchman B.W., 1962]:

- С 1907 года Германия противостояла союзу Франции, России и Великобритании, имевшему значительное численное превосходство над Германией.

- В 1911 году Франция поменяла свою военную стратегию, перейдя от оборонительной позиции к подходу, предполагающему стратегическое наступление.

- Российская империя начинала расширять свою железнодорожную систему в Польше, и, учитывая ключевое значение железнодорожных путей для проведения крупных военных наступательных операций, России потребовалось бы еще десять лет для того, чтобы стать стратегической угрозой для Германской империи [см.: Stevenson D., 1999: 163–194].

- Превосходство Великобритании на море позволило ей отрезать экспортно ориентированную и импортозависимую немецкую экономику от источников сырья и продовольствия, от ее экспортных рынков и колоний.

Таким образом, военная стратегия Германии на первых этапах Первой мировой войны характеризовалась

⁵ Использовались данные с сайта Wikipedia: http://en.wikipedia.org/wiki/World_War_I_casualties.

⁶ Использовались данные из Broadberry S., Broadberry S.N. The economics of World War One: a comparative quantitative analysis. Coventry: University of Warwick, 2005. В 1920 году немецкое правительство опубликовало данные о всех расходах на войну, назвав сумму в 1 037 942 000 000 *рейхсмарок*.

стремлением в максимально короткие сроки нанести поражение Франции (посредством упреждающего удара) и таким образом добиться переговорной позиции, которая позволила бы Германии установить прочный мир и вырваться из окружения европейских держав. (Мольтке обозначал эту стратегию словом «*Behauptungsfrieden*»). В июле и августе 1914 года Германия еще надеялась сокрушить французскую армию, нанеся по ней стремительный удар, однако Германия не была заинтересована в том, чтобы захватывать Францию или завоевывать значительную часть ее территории.⁷ Общее соотношение сил было таково, что Германия и ее союзники с самого начала уступали своим противникам по численности личного состава, по вооружению, экономической силе и человеческому капиталу (см. таблицы 6 и 7, а также таблицы 4 и 5) [Broadberry S., Broadberry S. N., 2005: 2].

Единственный реалистичный шанс Германии на успех заключался в проведении наступательной кампании в августе-сентябре 1914 года, в результате которой Германия надеялась заставить Францию, своего важнейшего военного противника, относительно неподготовленной к войне и захватить Париж либо отрезать его от севера Франции [см.: Great War..., 2000]. Однако Франция оказалась отнюдь не столь неподготовленной, как надеялось немецкое военное командование, не говоря уже о том, что у нее были могущественные союзники. Немецкое наступление было остановлено на середине пути, и в результате Мольтке

сложил с себя полномочия начальника генерального штаба.

Такое истолкование целей Германии в Первой мировой войне не является общепринятым. В научной литературе все еще ведется спор о целях Германии в этой войне: некоторые авторы разделяют мнение о том, что Первая мировая война носила упреждающий характер, была «превентивной войной» [см.: Schroeder P., 1972: 319–344; Harkavy R., 1977],⁸ другие утверждают, что немецкое руководство целенаправленно преследовало широкий ряд агрессивных целей, направленных на обеспечение гегемонии Германской империи в Европе. В самой Германии второй позиции придерживаются главным образом последователи «школы Фишера» [см.: Fischer F., 1975; Fisher F., 1974]. Фишер основывал свои рассуждения на документе от сентября 1914 года, который, согласно одному из толкований, отражал далеко идущие цели Германии в войне, определенные канцлером того периода Теобальдом фон Бетман-Гольвегом. Однако, как отмечали другие авторы, официальный статус данного документа не был официально установлен [Stevenson D., 2004: 105]. Представлялось весьма тяжелой задачей найти документы, относящиеся к периоду до лета 1914 года и свидетельствующие о том, что в Германии существовал последовательный политический дискурс, в рамках которого в качестве основной цели обозначалось достижение Германией господства в Европе. Тем не менее немецкая правящая верхушка

⁷ Фон Мольтке-младший неоднократно подчеркивал эту мысль в различных трудах между 1914 годом и своей смертью в 1916 году [см. подробнее: см.: Moltke H. von, 1993: 303–308, 391–403, 462–466].

⁸ Д. Херрманн заявляет, что гипотеза превентивной войны являлась своего рода несоразмерным ответом на международное положение в Европе, при котором большинство европейских держав были более или менее готовы к войне либо считали начало войны неизбежно приближающимся событием [Herrmann D.G., 1996: 210].

Таблица 6. Сравнение промышленных (технологических) показателей ключевых воюющих сторон накануне Первой мировой войны

Показатель	Германия+Австрия	Франция+Россия+ Великобритания
Доля мирового промышленного производства (%), 1913 год	19,2	27,9
Потребление энергии (млн тонн угля), 1913 год	236,4	311,8
Производство стали (млн тонн), 1913 год	20,2	17,1
Общий промышленный потенциал (индекс: Великобритания в 1900 = 100)	178,4	261,1

Источник: Kennedy P. M. The First World War and the international power system // International Security, 1984. №1. P. 21.

Таблица 7: Комбинированный индекс великой державы, отдельные годы в период незадолго до начала Первой мировой войны

Страна	1900	1905	1910	1913
Австро-Венгрия	6	6	6	6
Франция	10	9	9	9
Германия	16	16	17	18
Италия	5	4	4	4
Россия	15	16	18	18
Великобритания	20	15	14	14

Примечание: Данные получены из «Correlates of War Project» и представляют собой комбинацию различных индексов, включая население, городское население, потребление энергии, производство стали, военные расходы и военный персонал.

Источник: Ray J.L. Global politics. Boston: Houghton Mifflin. 1979. P. 106.

включала влиятельные группы, преследующие империалистическую повестку дня. В большей части политических дискуссий в период до 1914 года основное внимание уделялось таким вопросам, как преодоление Германией изоляции и признание статуса Германии как мировой державы за пределами Европы. В частности, после того как социал-демократы, центристы и либералы получили большинство голосов на выборах в 1912 году, во время дебатов в немецком парламенте (Рейхстаге) все чаще критиковались милитаризация внешней политики Германии и стремление к усилению влияния

на глобальном уровне (Weltpolitik). В то же время споры между различными подходами несколько утихли [см.: Mombauer A., 2013: 231–240; Steinberg J., 2013]. Представители более умеренного современного варианта «школы Фишера» утверждают, что основная ответственность за разжигание Первой мировой войны лежит на правительстве Германии, поскольку именно оно приняло решение о начале наступательных военных операций против Бельгии и Франции [см.: Mombauer A., 2002; Mombauer A., 2005]. Основные положения этой позиции разделяются теми авторами, которые указывают

на упреждающий характер военной кампании Германии против Франции. Таким образом, данная позиция является связующим звеном, объединяющим представителей различных школ и взглядов. Все еще существуют разногласия относительно ответственности, которую несут правительства других европейских держав за то, что они допустили ухудшение дипломатической ситуации до начала войны и сделали полномасштабный конфликт возможным. Разногласия по данному вопросу, судя по всему, тоже снижаются [см.: Mombauer A., 2013: 233; Steinberg J., 245]. Так, Генри Киссинджер называл международную дипломатию начала двадцатого века «машинной Судного дня», вина за создание и запуск которой лежала сразу на многих участниках [Kissinger H.A., 1995: гл. 7; Clark Chr., 2013; Hamilton R.F., Herwig H.W., 2004: 70–91; Herrmann D.G., 1996; Joll J., 1984; Mulligan W., 2010; Stevenson D., 2004].

Существует также другой подход, согласно которому утверждается, что все великие державы в 1914 году придерживались наступательных военных доктрин и стратегий и что, по существу, все эти страны предпочитали миру войну [см.: Snyder J., 2014: 71–93]. Как полагают сторонники данного подхода, господствующим убеждением среди военачальников того периода являлась идея о том, что военное наступление является самым верным путем к победе [см.: Snyder J., 1984; Evera S. van, 1984: 58–107]. Наступательные военные стратегии также очень хорошо сочетались с националистическими настроениями того времени и, следовательно, были весьма популярны. Однако, как верно отметил Скотт Саган, того фак-

та, что все армии придерживались стратегии наступления, отнюдь не достаточно, чтобы объяснить стратегическую нестабильность в Европе и начало мировой войны. Ключевое значение имело взаимодействие наступательных стратегий, доктринальных факторов и стратегических уязвимостей [Sagan S.D., 1986: 151–175]. В начале августа 1914 года в наступление пошла не только Германия: Россия, Австрия и Франция одновременно начали наступательные операции. Различие состояло в том, что ни одна из этих стран не достигла значительных успехов в рамках своих наступательных операций. Россия заняла часть территории Восточной Пруссии, но эти территории не имели решающего стратегического значения. Франция вела наступление на Германию по территории Эльзаса и Лотарингии, однако так и не смогла пробить немецкую оборону. Наступление Австрии на Сербию было обречено на неудачу с самого начала. Российское наступление на Австрию отмечалось небольшими успехами, но это было главным образом связано со слабостью австрийской обороны. Даже военный план Мольтке (основанный на меморандуме, написанном его предшественником Альфредом фон Шлиффеном в 1905 году), который был успешнее планов Франции, России и Австрии, оказался недостаточно эффективен – по крайней мере с точки зрения Германии.⁹ Его результатом стало закрепление в Европе патовой ситуации, ознаменовавшей начало длитель-

⁹ Самый качественный анализ военных планов Германии в период до начала Первой мировой войны можно найти в работе: Zuber T. The real German war plan 1904–1914. Stroud: History Press, 2011. Автор – бывший военный офицер, знакомый со сложностями, которые представляет для исследователя анализ военного планирования; в своей работе он обращается к ранее не использованным архивным материалам.

ной и кровопролитной войны на истощение на Западном фронте.

При рассмотрении текущей ситуации в Азии представляется непростой задачей выделить достаточное число сходств с Европой в 1914 году. Китай не находится в состоянии изоляции, сопоставимом с положением Германии между 1890 и 1914 годами. Кроме того, Китай не имеет настоящих друзей в регионе или за его пределами, но такое его «одиночество» отнюдь не является источником стратегических уязвимостей. Непросто вообразить, что представляла бы из себя изоляция Китая – страны размером с континент и с населением в 1,3 млрд человек. Китай не противостоит превосходящей по силе коалиции государств, открыто или тайно вынашивающих планы вторжения в дела КНР. И даже если бы такая коалиция существовала, она была бы совершенно не в состоянии нанести стратегически значимый удар по Китаю. Невозможно даже вообразить коалицию держав, которая смогла бы захватить значительную часть территории Китая или нанести удар по политическим и экономическим центрам страны. Единственная реальная угроза, которая может вызывать опасения китайского руководства, связана со способностью Соединенных Штатов отрезать морское сообщение Китая с внешним миром, хотя осуществление на практике данного сценария возможно лишь в самых чрезвычайных обстоятельствах. *Следовательно, нет причин полагать, что характерное для Германии в 1914 году чувство изоляции и затяжного военного поражения может охватить Китай сегодня или в обозримом будущем.* Не наблюдается никаких тенденций, которые в перспективе могли бы за-

ставить Китай начать превентивную войну в связи с ощущением изолированности, стратегической уязвимости или подверженности негативным влияниям по причине сдвигов в международном соотношении сил. Сегодняшний Пекин, несомненно, не имеет ничего общего с Берлином 1914 года.

Однако в регионе могут существовать и другие государства, ощущающие себя изолированными от внешнего мира и в случае серьезного кризиса способные принять решения, которые могут повлечь разрушительные последствия. Первое из таких государств, которое стоит упомянуть, это КНДР – страна, постоянно стремящаяся изолировать себя, крайне уязвимая с военной и политической точек зрения. Даже полагаясь на одни лишь обычные вооружения (не применяя ядерное оружие), Пхеньян будет способен развязать полномасштабную войну в регионе. Следует также рассмотреть ряд других государств. Это прежде всего Тайвань, которому ввиду текущих военных приготовлений в Китае в течение следующих двух десятилетий придется сделать выбор: либо стремиться к дружественному взаимопониманию с Пекином, что в итоге приведет к поглощению страны материковым Китаем, либо создавать ядерное оружие. Япония также может почувствовать себя в изоляции, если начнет оценивать ситуацию следующим образом: Китай продолжает наращивать военную мощь, а гарантия поддержки Японии со стороны США становится все менее надежной. При этом сама по себе вероятность того, что подобная изоляция могла бы привести к принятию Японией решений, способных спровоцировать крупномасштабный конфликт, – совершенно другой во-

прос. Также существует значительная неопределенность относительно роли ядерного оружия в регионе. Приведет ли присутствие ядерного оружия к заморозке конфликтов и сохранению статус-кво, как считал Кеннет Уолтц [см.: Waltz K., 1981], или же оно лишь усугубит нестабильность в регионе?

Масштабы распространения национализма и социального дарвинизма

Одной из примечательных черт Европы столетие назад была широкая распространенность идей национализма, империализма и социального дарвинизма не только в Германии, но и почти во всех европейских обществах [см.: Holborn H., 1951: гл. 6]. Именно эти силы не позволили быстрее завершить войну. Коренное отличие Первой мировой войны состоит не в том, как она началась, но в том, что она продолжала бушевать более четырех лет, в течение которых, казалось, ничто не могло остановить кровопролитие. К декабрю 1914 года стало очевидно, что ни одна из сторон не сможет выиграть эту войну, продолжая опираться на военную кампанию. Однако вместо того, чтобы вести переговоры о прекращении огня и попытаться найти политическое решение конфликта, каждая из сторон была намерена продолжать войну до полного истощения противника. В дальнейшем цели всех сторон приобретали все более экспансионистский и агрессивный характер [Stevenson D., 2004: гл 5]. В начале 1915 года конфликт перерос в полномасштабную войну, для достижения победы в которой воюющие стороны мобилизовали все имеющиеся в их распоряжении ресурсы. Обе коали-

ции мобилизовали все человеческие, сельскохозяйственные, промышленные и интеллектуальные ресурсы ради победы, при этом обе стороны обладали огромными промышленными мощностями, позволявшими в течение долгого времени продолжать вести войну [см.: Great War..., 2000; Morgenthau H.J., 1963: гл. 22].¹⁰

За всю историю Европы не было прецедентов столь масштабного коллективного помешательства. Именно поэтому данный конфликт оказался столь кровопролитным и впоследствии получил название «Великая война». Хотя основная ответственность за развязывание войны лежит на Германии, можно утверждать, что именно страны Антанты более других ответственны за продолжение и затягивание войны, поскольку они считали, что в долгосрочной перспективе они окажутся сильнее Центральных держав. Страны Антанты могли бы принять полученное в декабре 1916 года предложение Центральных держав о прекращении огня и последующем проведении переговоров хотя бы для того, чтобы остановить кровопролитие и резню. Однако союзники по Антанте ответили на предложение категорическим отказом.¹¹

¹⁰ Превосходный анализ экономической составляющей Первой и Второй мировых войн был произведен в начале 1940-х шведским экономистом Тоннорфом в труде *Krieg der Fabriken. Über das Kriegsführungspotential der kriegführenden Mächte*. Zurich and New York: Europa, 1943. Подобный характер войны в промышленную эпоху был предсказан российским банкиром и экономистом Иваном Блюхом в конце девятнадцатого века в работе *Is war now impossible?*. London: Grant Richards, 1899. Эта книга представляла собой сокращенную версию его труда в шести томах, который он ранее опубликовал на русском и немецком языках.

¹¹ Текст предложения был воспроизведен Андре Шерером и Жаком Грюнвальдом в *L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères*. Vol. 1. Paris: Sorbonne, 1962. Его оценку с точки зрения держав Антанты см. в Zeman Z. *The break-up of the Habsburg empire*. London and Oxford: Oxford University Press, 1961. P. 123; Stevenson D. *Cataclysm: the First World War as political tragedy*. New York: Basic Books, 2004. P. 103; Goemans H.E. *War and punishment: the causes of war termination and the First World War*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000. P. 16.

Сами они ни разу не предпринимали подобных попыток положить конец войне, если не считать призывов к капитуляции.

В конце концов проигравшими оказывались те государства, чьи экономики более не могли нести на себе тяготы войны и население которых стало выражать недовольство войной. Первой капитулировала Россия, за ней последовала Австро-Венгрия и, наконец, Германия. С точки зрения экономической силы и общественных настроений, положение Британии и Франции было не многим лучше, однако поддержка, которую они получили от Соединенных Штатов, в итоге позволила им говорить о победе [см.: Stevenson D., 2011]. Огромные потери среди мужчин молодого и среднего возраста, которые эти страны были готовы принять, а также масштабные совместные усилия, предпринятые представителями всех сфер общества для поддержания вооруженных сил, придали этой войне особый характер: ее следует называть современной, демократической войной, поскольку без всеобщей поддержки со стороны гражданского населения воюющих держав, а также их элит эта война была бы невозможна.

Первая мировая война продемонстрировала огромные риски, связанные с ситуацией, когда высоко индустриализированные государства (с более или менее успешно функционирующими демократическими институтами) начинают войну друг против друга, и в частности когда политические элиты и значительная часть населения придерживаются сильных националистических настроений. То, что произошло между 1914 и 1918 годами, еще за 100 лет до

войны предсказывал Фридрих Генц, немецкий публицист конца восемнадцатого и начала девятнадцатого веков и приближенный советник австрийского канцлера Клеменса фон Меттерниха. Уже в 1800 году в своей критике статьи Иммануила Канта, посвященной вечному миру, он написал, что Великая французская революция определила новые источники и масштабы насилия, новое ощущение полной победы и новые средства продолжения войны в течение продолжительных периодов времени [см.: Gentz F. von, 2010: 289–333]. Изначально лишь революционная Франция могла использовать эти новые силы. Однако вскоре другие страны последовали за ней. Значение этих изменений в начале девятнадцатого века можно было проследить на примере «Битвы народов» под Лейпцигом в октябре 1813 года. На тот момент это была крупнейшая битва за всю европейскую историю, и она представляла возможность узнать, что ждет Европу в будущем [см.: Hofschroer P., 1993]. В условиях индустриализации и установления современной государственности последствия войны среди демократий должны были оказаться еще более разрушительными, чем мог себе представить Генц в начале девятнадцатого века. К слову, наблюдения Генца были полностью несовместимы с теорией демократического мира, согласно которой демократии не воюют друг с другом [см.: Russett B., 1993; Oren I., 1995: 147–184; Spiro D.E., 1994: 50–86; Layne Ch., 1994: 5–49]. По мнению Генца, в некоторых ситуациях демократии могут быть опаснее, чем недемократические государства. Возможно, именно сочетание демократизации с национализмом, расизмом и социальным

дарвинизмом во второй половине девятнадцатого века привело к возникновению обществ, готовых принести в жертву что угодно ради спасения страны от предполагаемой угрозы со стороны «коварного противника» [Vagts A., 1956: гл. 6–8].

Особая ответственность лежала на политических элитах всех европейских государств, сильнейшим влиянием среди которых пользовались идеи национализма, расизма и социального дарвинизма. Эти элиты в основном состояли из представителей аристократии и опасались конкурентов за власть из среднего и рабочего классов. В то время как во многих государствах аристократические элиты заключали «мир» со средним классом, и первые, и вторые боялись, что их власть перейдет к силам социализма. Этот страх делал их более подверженным идеям национализма и империализма, которые воспринимались как инструменты стабилизации (или смягчения) ситуации внутри государств [см.: Beatty J., 2012; Mommsen W., 1995; Best G., 1989: 13–44; Geyer D., 1987; Vagts A., 1959: 249–265; Laski H.D., 1943; Schumpeter J., 1991: 141–219]. Так, в Австро-Венгрии элиты находились под давлением не только со стороны других социальных классов, но и со стороны представителей различных национальностей, стремящихся добиться независимости от империи.

Национализм, расизм и социальный дарвинизм стали цементом, удерживающим вместе общества, которые в противном случае разрушились бы под давлением проблем, связанных с колоссальным неравенством в доходах и богатстве населения. Как следствие господствующая социальная структура политической реальности (в частности, струк-

тура международных отношений) все чаще формировалась под влиянием идей национализма, вражды к «чужому», войны, культуры силы и милитаризма, а также под влиянием представлений о международной анархии. Этот нарратив использовался для сдерживания политических дискуссий внутри страны и ограничения усилий социалистических и прогрессивных партий по получению своей доли власти в государстве.

В современной Азии мышление националистического и расистского характера зачастую можно встретить среди элит и в средствах массовой информации, но здесь эти течения далеко не так сильны, как в Европе сто лет назад. Тем не менее, если учитывать высоко эмоциональную реакцию азиатских стран (особенно реакцию Китая) на недавний спор по вопросу необитаемых островов Сенкаку (которые китайцы называют Дяоюйдао), можно предположить, что в Восточной Азии произойдет всплеск националистического и социал-дарвинистского мышления, он может заставить правительства принять политические и военные решения, о которых они могут впоследствии пожалеть. До настоящего времени, однако, большинство ярких проявлений общественного мнения оказывались результатом целенаправленных усилий правительств, желающих продемонстрировать миру серьезность своих опасений по тому или иному вопросу.

Основной вопрос состоит в том, возможно ли обратить эти скрытые или неявные настроения среди населения в готовность общества в целом в течение длительного времени поддерживать усилия, необходимые для ведения войны. Такое развитие

событий нельзя полностью исключать, однако в настоящее время подобный сценарий представляется маловероятным. Даже если события будут развиваться указанным выше образом, такие неограниченные по своему разрушительному потенциалу силы начнут применяться лишь в том случае, если на этот момент уже будет полыхать малый или средний конфликт, приводящий к тяжелым потерям с каждой из сторон.

Динамика военного соперничества

При рассмотрении конфликтных ситуаций всегда представляется целесообразным уделять особое внимание военным концепциям, доктринам и стратегиям, а также рассуждать с точки зрения доступных сторонам направлений действия и противодействия, путей эскалации и деэскалации, рассматривая различные типы войн: наступательную, оборонительную, упреждающую и превентивную. Важно принимать во внимание вопросы, связанные с вооруженными силами, технологической сферой и географией, а также учитывать готовность того или иного общества в течение длительного времени прилагать усилия, требуемые для ведения войны.

Особо необходимо подчеркнуть значение существующих и мнимых стратегических уязвимостей [Sagan S.D., 1986: 151–175]. Именно они стали решающим фактором, определившим начало Первой мировой войны. Решение Берлина развязать войну против Бельгии и Франции было основано прежде всего на представлении Германии о том, что она находилась в окружении превосходящего числа противников и была уязвима

со стратегической точки зрения. Поскольку у Франции также имелись стратегические уязвимости, в августе 1914 года немецкий генеральный штаб предпринял попытку использовать их в интересах Германии, начав военные действия против своего соседа. Стратегические уязвимости Германии проистекали из сочетания географических особенностей Центральной Европы, с одной стороны, и мобильности и огневой мощи вооруженных сил, с другой: столица Германии находилась лишь в 350 километрах от границы с Польшей (которая в то время принадлежала России). Рейнская область, сердце и источник экономической мощи Германии, также находилась в досягаемости французских войск, а Париж, являвшийся политическим и экономическим центром Франции, располагался лишь в 350 километрах от немецкой границы. Такие стратегические уязвимости создавали ощущение беспокойства и в условиях масштабного международного кризиса могли вылиться в готовность государства пойти на значительный риск и нанести превентивный удар по предполагаемому противнику. Таким образом, скорость мобилизации и готовность взять инициативу в свои руки стали важными факторами, определившими характер событий в 1914 году.

Текущая ситуация в Восточной Азии отличается от положения в Европе в 1914 году. Восточная Азия по размеру значительно превосходит Европу, и между стратегическими соперниками в регионе отсутствует географическая близость, способная перерасти во взаимные уязвимости, как происходило в случае с Германией и Францией. В целом государства Азии гораздо менее подвержены риску стать жертвой не-

ожиданного стратегического хода, связанного с быстрым перемещением военных сил. Одним из определяющих факторов европейской политики всегда являлись короткие расстояния между государствами, при этом в регионе можно выделить лишь небольшое количество естественных барьеров, способных защитить от военного наступления по суше. По площади Азия значительно крупнее Европы, и помимо огромных расстояний здесь существует множество естественных барьеров, таких как горы и моря. Без сомнения, в современном мире мобильность и универсальность военно-воздушных сил позволяет преодолевать любые расстояния, однако единственным способом захвата и удержания территорий противника остается применение сухопутных войск. Это отнюдь не означает, что о военной конфронтации в регионе не может идти и речи. Однако относительно маловероятной представляется ситуация, при которой одна из крупных держав оценит свое стратегическое положение как крайне уязвимое и посчитает необходимым нанести решительный упреждающий удар, в результате чего развернется полномасштабный вооруженный конфликт.

Однако признание того, что Китай, Япония и Соединенные Штаты не находятся в положении стратегической уязвимости, отнюдь не означает, что у этих стран вовсе отсутствуют уязвимости стратегического характера. Хотя география Азии существенно отличается от европейской, представляется целесообразным рассмотреть стратегические уязвимости и стимулы для нанесения превентивных военных ударов как на региональном, так и на субрегиональном уровнях.

Для этого необходимо тщательно проанализировать два потенциальных театра военных действий: Корейский полуостров и оспариваемые области Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей. В этих театрах постепенно появляются либо уже существуют стратегические уязвимости и стимулы для нанесения упреждающего удара. Рост напряжения в любом из этих двух театров теоретически может привести к крупному военному столкновению и стать причиной начала полномасштабной войны, в которую будут вовлечены США, Китай и, возможно, ряд других стран.

Другим фактором, который мог бы коренным образом изменить ситуацию, является доступность ядерного оружия. Сегодня ядерное оружие играет лишь ограниченную роль в регионе.

Главным образом это связано с тем, что Соединенные Штаты вывели из региона большую часть своих ядерных сил ТВД, в том числе военные суда, а также с тем, что ядерная доктрина Китая носит оборонительный характер и направлена на стратегическое сдерживание. Фактически в отношениях между США и Китаем (также включающих Японию и Южную Корею) присутствует элемент базового стратегического сдерживания, выступающий в качестве обнадеживающего фактора для ситуации в Восточной Азии. Однако это положение может измениться, если не будут остановлены процессы (горизонтального и вертикального) распространения ядерного оружия.

Ситуация на Корейском полуострове. Корейский полуостров является той частью Восточной Азии, в которой существующие стратегические уязвимости обладают огромным потенциалом для дальнейшей эска-

лации. Концентрация вооруженных сил на Корейском полуострове является самой высокой в мире. На действительной военной службе в Северной Корее насчитывается порядка 1 млн 190 тыс. солдат (около 5 тыс. основных боевых танков, более 21 тыс. артиллерийских орудий и 600 военно-воздушных судов), в Южной Корее – около 655 тыс. солдат (около 2599 основных боевых танков, почти 12 тыс. артиллерийских орудий и около 580 военно-воздушных судов), а также 28,5 тыс. американских солдат [International..., 2014: 254–260]. Эта ситуация влечет риски проведения одной из сторон превентивных наземных военных операций. Целью такой операции станет снижение стратегических уязвимостей инициатора нападения и использование уязвимостей противника. Если одна из сторон решит осуществить такую военную операцию, это может вызвать цепь событий, в результате которой по разные стороны фронта могут оказаться США и Китай.

У северокорейской армии, несмотря на ее численное превосходство, нет никаких шансов одержать победу в затяжной войне с применением обычного вооружения, если ее противником будут объединенные силы Южной Кореи и США. Однако КНДР может поддаться искушению и быстро захватить внушительную часть территории Южной Кореи посредством неожиданного нападения, а затем угрожать применением ядерного оружия в случае, если другая сторона захочет предпринять попытку вернуть себе захваченную территорию. Столица Южной Кореи находится приблизительно в 25 километрах от границы с Северной Кореей; этот факт является для Северной Кореи сильнейшим стимулом, способным

подтолкнуть ее к тому, чтобы провести столь дерзкую операцию. Тем не менее, поскольку южнокорейские и американские вооруженные силы прекрасно осведомлены о данной угрозе, принимается множество превентивных мер, таких как минирование вероятных маршрутов подступа к столице, постоянный контроль границы с КНДР при помощи средств воздушной и спутниковой разведки, а также поиск секретных туннелей, которые КНДР может строить со своей стороны.

Однако необходимо учитывать, что аналогичные стимулы могут существовать и для Южной Кореи. Республика Корея считает, что она находится под постоянной угрозой со стороны агрессивного и непредсказуемого северокорейского руководства. В данный момент в Южной Корее происходит процесс модернизации вооруженных сил, необходимый для успешного взаимодействия южнокорейских и американских войск. Процесс модернизации вооруженных сил находит отражение в быстро растущих расходах на оборону. Сегодня страна тратит на оборону в пять раз больше, чем в 1990 году, а с 2000 года расходы на военную сферу выросли в три раза. Согласно «Плану реформирования системы обороны 2020», в Южной Корее должна быть создана «военная структура будущего», отражающая «революционные изменения в военной парадигме, вызванные развитием науки и техники в информационную эпоху». Цель – создание средств ведения войны, ориентированных на сетевые структуры. В план были вложены впечатляющие по объему инвестиции.

Южная Корея приобретает системы раннего оповещения для противостояния воздушному десанту, си-

стемы управления, связи и разведки (С4I), современные боевые танки, истребители F-15/F/K-X и высокоточные управляемые боеприпасы. Эти приобретения радикальным образом изменяют соотношение сил на полуострове. Южная Корея еще не достигла всех своих целей, а в ее военном потенциале остается множество пробелов (в частности, в сфере разведки и систем раннего предупреждения), однако изъяны были определены и обозначены, и теперь будет вестись работа по их постепенному устранению. Согласно упомянутому выше плану, оборонный бюджет страны будет увеличиваться на 7 процентов в год вплоть до 2020 года. Как отмечается в докладе Международного института стратегических исследований, сегодня Южная Корея обладает одной из наиболее хорошо оснащенных и боеспособных армий в Азии [International..., 2014: 257].

Стоит заметить, что Южная Корея стремится ко все более самостоятельному и независимому оперативному управлению своими вооруженными силами. На протяжении десятилетий она была практически неспособна действовать в одиночку, и большая часть оперативного управления осуществлялась США. Сегодня ситуация постепенно меняется. В 2007 году США и Южная Корея договорились, что к концу 2011 года Корея будет осуществлять полное оперативное управление войсками по всему Корейскому полуострову. Эта цель не была достигнута ввиду бюджетных ограничений, однако было решено, что к 2015 году Южная Корея не только будет в состоянии ответить на любую военную провокацию со стороны КНДР, но также будет обладать всеми необходимыми возможностями для

успешного ведения полномасштабной войны на полуострове. Северная Корея имеет впечатляющую по численности армию, однако ее военное оборудование сильно устарело и в основном состоит из советского оружия, произведенного в 1960-е и 1970-е годы. У северокорейской армии не будет никаких шансов на победу при столкновении с современной армией Южной Кореи, применяющей методы ведения боя, ориентированные на сетевые структуры. В условиях превосходства Южной Кореи в воздухе может исчезнуть даже угроза обстрела Сеула из северокорейской дальнобойной артиллерии.

Другими словами, можно представить сценарий, при котором как Северная, так и (в будущем) Южная Корея могут посчитать целесообразным нанести по противнику превентивный удар, чтобы воспользоваться его стратегическими уязвимостями и защитить свои собственные слабые места. Какими бы ни были результаты такой операции, в конечном итоге и США, и Китай могут оказаться втянуты в конфликт на полуострове. В случае осуществления указанного сценария Пекин и Вашингтон будут пытаться предотвратить стратегическое поражение как Севера, так и Юга. Если между США и Китаем и начнется полномасштабная война, то она вполне может быть результатом конфликта между Северной и Южной Кореей. Правительства Китая и США осознают эту опасность. Ни одно из государств не стремится попасть в эту ловушку, и ни одно из них не видит «трагической необходимости» делать это. Данный факт позволяет провести очевидное различие между Восточной Азией сегодня и Европой в 1914 году. Однако

никто не может заранее предсказать характер будущих политических кризисов на Корейском полуострове или же предвидеть, каких договоренностей Китай и США достигнут к моменту возникновения подобного кризиса.

Военное соперничество за морские районы. Если рассматривать соперничество на море между Китаем, с одной стороны, и его соседями по региону (часто вступающими в спор друг с другом), с другой, на первый взгляд едва ли можно найти сходства с ситуацией в Европе в 1914 году. Китайский флот постоянно, шаг за шагом пытается распространить свой контроль над Южно-Китайским и Восточно-Китайским морями [см.: Buszynski L., 2012: 139–156; Raine S., Le Miere Chr., 2013; Valencia M.J., 2007: 127–167; Valencia M.J., 1997: 85–106; Valencia M.J., 1979: 1–38]. Это вызывает острое недовольство Вьетнама, Филиппин, Индонезии, Малайзии, Брунея, Сингапура и Японии. В этих морях происходили военные инциденты и столкновения, но до настоящего времени сам характер военно-морского противостояния и факторы географического характера не позволили этим столкновениям перерасти в полномасштабную войну. Тем не менее многие наблюдатели все же опасаются, что конфликты за контроль над частями Южно-Китайского моря (Китай считает все это море частью своих территориальных вод) [Dupont A., Baker Chr., 2014: 79]¹² и Восточно-Китайского моря (в котором спорные области более ограничены)

потенциально могут привести к началу крупного вооруженного конфликта между Китаем и его региональными соперниками или даже между Китаем и Соединенными Штатами. Как недавно описали эту ситуацию два автора: «Если эти споры не будут должным образом улажены, то продолжительный период мира в Восточной Азии может прийти к преждевременному и кровавому концу».¹³

Целью данной статьи не является подробное рассмотрение указанных региональных споров, все стороны которых руководствуются более-менее законными и оправданными интересами, связанными с эксплуатацией морских ресурсов [Dupont A., Baker Chr. G., 2014: 79–98; Lee J., 2012: 75–92]. Задачей этого исследования является поиск ответа на вопрос, могут ли эти конфликты повлечь за собой военную эскалацию или иную реакцию, способную привести к крупному конфликту в регионе. Данная проблема состоит из двух аспектов. Первый аспект связан с вопросом, может ли морская «тактика салями», применяемая китайскими вооруженными силами и силами безопасности, привести к эскалации агрессии и полномасштабной войне между Китаем и другими государствами региона. Второй аспект предполагает поиск ответа на вопрос, может ли постепенно нарастающее военное соперничество между Соединенными Штатами и Китаем в регионе привести к гонке вооружений или же полноценному вооруженному столкновению между двумя державами.

¹² Эта претензия равносильна претензиям Германской империи на признание Балтийского и Северного морей ее территориальными водами. Ни кайзер Вильгельм II, ни его честолюбивый адмирал Тирпиц никогда не выказывали подобных амбиций.

¹³ Беспорядочно цитируемых авторов разделяют Л. Бажински [Buszynski L., 2012], а также С. Рэйне и Кр. Ле Мьер [Raine S., Le Miere Chr., 2013]. Некоторые авторы, однако, предупреждают от переоценки стратегической актуальности этих морских споров [см.: Taylor B., 2014: 99–111; Fingar T., Jishe F.: 125–138].

Что касается первого риска, представляется маловероятным, чтобы незначительные перестрелки или даже бои между воздушными и морскими судами могли обостриться до состояния полномасштабной войны. Как географические факторы, так и доступность военных сил в регионе ограничивают возможности, открытые для эскалации конфликта Китаем, Вьетнамом, Малайзией или Филиппинами (посредством вторжения или применения массированного обстрела с воздуха). Очевидно, что китайское руководство хорошо осведомлено об этом и, соответственно, преследует свои собственные цели в Южно-Китайском море, постоянно меняя свои позиции. Даже в Восточно-Китайском море ситуация принципиальным образом не отличается. Ни Китай, ни Япония не могли бы вторгнуться на территорию друг друга, как не осмелились бы использовать друг против друга бомбардировку с воздуха. Худшее развитие событий предполагает морские сражения (при поддержке с воздуха) за контроль над необитаемыми островами или же рейды десантно-диверсионных частей с целью захвата этих островов.

Рост соперничества между США и Китаем в военной сфере

Другая тема, заслуживающая большего внимания, – возрастающее соперничество между США и Китаем в военной сфере, в связи с чем существуют риски, связанные с технологическими и стратегическими изменениями ситуации в регионе. В последние годы данный вопрос стал предметом обсуждения в научной литературе, и все больше авто-

ров заявляют, что налицо связанные с соперничеством риски эскалации нынешнего положения, и эти риски нельзя не принимать во внимание [см.: Till G., 2012]. Подобное обсуждение происходит и внутри самого Министерства обороны США начиная с 90-х годов прошлого века, вследствие чего появилось новое понятие военной доктрины: боевые действия в воздухе и на море [см.: Department of..., 2013].

Основным предметом споров является концепция преграждения доступа и блокирования определенных зон (anti-access/area denial, по-другому A2/AD). Стратегия преграждения доступа (со стороны Китая) нацелена на недопущение входа военных сил определенного государства (Соединенных Штатов) в отдельные районы боевых действий, как по суше, так и по воздуху или по морю. Китай называет такой подход активной стратегической контратакой на внешних рубежах (active strategic counterattack on exterior lines или, по-другому, ASCEL) [Friedberg A.L., 2014: 25; Montgomery E.B., 2014: 129–139]. Операции по блокированию определенных зон проводятся с целью не допустить свободы маневра силам США (в основном) в рамках меньшего района суши или воздушного пространства [Krepinevich A., Watts B., Work R., 2003: 15]. С конца 1990-х в вооруженных силах США росла озабоченность появлением у Китая морских сил, которые являются частью стратегии A2/AD, в восточноазиатском регионе. Угроза преграждения доступа (A2) связана в основном с развертыванием Китаем разведовательно-ударных комплексов, что ставит под угрозу существующую инфраструктуру США в регионе (а также корабли США, в особенности авианос-

ные группы). Такой военный потенциал у Китая появился в результате инвестирования в современные спутниковые, а также противоспутниковые, кибер- и ракетные технологии, равно как и улучшения технологий в рамках развития подводных сил. В то же самое время Китай уже сейчас близок к тому, чтобы поставить под угрозу существование военно-морских баз и кораблей США в радиусе более чем 2400 километров от своего побережья ввиду наличия весьма эффективных ударных возможностей. Угроза блокирования определенных зон, по сути, существует в близлежащих к Китаю районах, и связана она с возросшим потенциалом китайских военно-воздушных сил по части проведения ударов по военным кораблям США с использованием современных высокоточных боеприпасов, задействованием единых интегрированных систем ПВО, а также постановки так называемых умных мин и запуска ракет с надводных и подводных носителей для уничтожения маневренных групп [Le Miere Chr., 2014: 141]. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) получила эти возможности благодаря серьезным инвестициям в современные технологии, следуя по пути процесса модернизации, на который вооруженные силы США встали 30 лет назад. Сегодня НОАК функционирует в воздухе, на море, под водой, на суше, в космосе и киберпространстве.

В определенной мере модернизация НОАК для получения возможностей по преграждению доступа и блокированию определенных зон (A2/AD) является отражением стратегии обороны, направленной на то, чтобы держать вооруженные силы США (по большей части военно-морские силы) на расстоянии от района,

который Китай считает своим ближним зарубежьем. Однако, учитывая ситуацию в регионе, на фоне которой происходит эта модернизация, общая стратегическая линия Китая может быть определена как стратегия нападения, так как развитие НОАК является частью усилий, направленных на насильственное расширение морских границ Китая, что в случае с Южно-Китайским морем представляется явным нарушением Конвенции ООН по морскому праву. В это же самое время многие государства, вовлеченные в спор с Китаем относительно морских территорий, предпринимают определенные шаги, чтобы и самим получить возможность преграждать доступ и блокировать определенные зоны, пуская и в намного меньшем масштабе.

В рамках оценки риска начала войны вопрос о том, какова основная стратегическая ориентация – оборонная или наступательная, не имеет первостепенной значимости. Большого внимания заслуживают потенциальный риск эскалации кризиса и возможные упреждающие удары. Большинство наблюдателей указывают не только на позицию Китая, направленную на развитие потенциала A2/AD, что подразумевает наличие современной авиации, субмарин, баллистических и крылатых ракет, малых боевых кораблей, высокотехнологичных фрегатов и корветов, но также и на тот факт, что Китай уделяет чрезвычайно высокое внимание киберпространству, информационной войне и возможности нанесения удара по спутникам потенциального противника [см.: Cliff R., 2007; Shambaugh D., 2002]. Такая комбинация модернизации и повышения боевой готовности увеличивает вероятность того, что

Китай первым нанесет удар. Пока что большинство наблюдателей сходятся во мнении, что прямая конфронтация между Китаем и США все еще маловероятна [Montgomery E.B., 2014: 131], однако ситуация может измениться. Возможно, уже не так далек тот день, когда накопленный потенциал A2/AD позволит Китаю нанести решающий удар по военным силам США в Восточной Азии, таким образом положив конец присутствию США в регионе, или, по крайней мере, вселит в руководство Китая уверенность, что подобный шаг – реальная альтернатива другим ходам. Некоторые наблюдатели считают вероятным, что в ближайшее десятилетие НОАК станет способной нанести серьезный урон всей стационарной инфраструктуре США, которая используется для поддержки американских военных сил в регионе [Friedberg A. L., 2014: 82; White H., 2012: 74], тем более что Китай, возможно, будет иметь возможности ограничить деятельность стратегической и технической разведки в регионе, а также потопить военные корабли США, в том числе авианосцы, в радиусе 2400 километров от своего побережья. Вместе эти возможности могут привести к формированию идеи, подобной атаке на Перл-Харбор, у китайских военных, в результате чего они могут не устоять перед идеей уничтожить большую часть военных объектов США в регионе путем нанесения множества скоординированных ударов различного характера [Tol J. van..., 2010: 20–21].

Сложно определить, насколько высок риск такого развития событий. В первую очередь все зависит от общей оценки международной ситуации со стороны китайского руководства, в которой экономическая независи-

мость, разумеется, играет ключевую роль, однако экономические аспекты могут отойти на второй план по сравнению с возможностью добиться серьезного, значительного стратегического успеха, такого, как, например, радикальное изменение баланса сил в Восточной Азии, всего за один ход. Это также зависит от того, сможет ли Китай получить решающее преимущество в ключевых технологических областях. В сфере кибер- и информационной войны всегда есть вероятность, что одна из сторон сможет совершить крупный технологический прорыв, и это сложно предсказать заранее [Gompert D.C., Libicki M., 2014: 7–21]. Кроме того, определенную роль играет и характер китайской военной доктрины.

Все, что на данный момент известно о китайской доктрине активной стратегической контратаки на внешних рубежах (ASCEL), указывает на то, что Китай отдает предпочтение упреждающему удару вглубь районов потенциального противника с целью нанесения наибольшего урона [Friedberg A.L., 2014: 25]. Доктрина – не стратегия, однако стратегии часто формируются в рамках положений доктрины. Как минимум, США окажутся перед выбором: либо вывести свои военные объекты и силы из региона, который, по заявлениям Китая, является его легитимным оборонным периметром, либо остаться и рисковать оказаться целью обезоруживающего удара со стороны Китая [Montgomery E.B., 2014: 139].

Однако существует множество убедительных доводов, обосновывающих невозможность данного сценария. Прежде всего, общая стратегическая ситуация в отношениях между Китаем и Соединенными Штатами характеризуется расту-

щей взаимозависимостью и общей заинтересованностью в стабильности. По многим причинам обе стороны более заинтересованы в ведении делового сотрудничества, в достижении экономического роста и решении своих экономических и социальных проблем, чем в разжигании конфликтов [Fingar T., Jishe F., 2013: 125–138]. Как говорилось выше, Китай не находится в ситуации, схожей с положением Германии в 1914 году, – ему не предстоит в одиночку противостоять целой коалиции стран, значительно превосходящей его с точки зрения военной мощи. Несмотря на эти доводы, текущая китайская политика в отношении Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей характеризуется применением военных действий в одностороннем порядке и попытками силой и запугиванием принудить к своей воле другие государства, имеющие выход к Южно-Китайскому морю, а также навязывать им решения, благоприятные для Китая. С точки зрения либерального институционализма, у Пекина, судя по всему, есть все основания придерживаться миролюбивой стратегии. Однако в действительности Китай проводит политику постепенного насильственного изменения статус-кво и открыто выражает неуважение к суверенитету своих соседей.

Означает ли это, что реалистическая теория верна в предположении о том, что в конце концов скорее всего на первый план выйдет потребность в балансировке сил? [Mearsheimer J., 2010: 381–396; Kaplan R.D., 2010: 22–41]. Это аргумент Аарона Фридберга, который считает, что Китай намерен стать господствующей державой в Восточной Азии и, возможно, в Азии в целом [Friedberg A.L., 2011:

157]. Многие свидетельства подкрепляют эту гипотезу, однако правда может оказаться несколько сложнее. Так, один обозреватель видит в политике Китая попытку показать Вашингтону неустойчивость американской позиции, согласно которой США желают находиться в хороших отношениях с Китаем и одновременно с этим поддерживать военные союзы в Азии [Cooper H., Perlez J., 2014: A1]. Если это так, то, возможно, пространство для стратегического диалога между США и Китаем действительно существует [White H., 2012: 61].

Наконец, существует фактор ядерного оружия, который значительно усложняет уравнение [см.: Cimbala S.J., 2008: 113–132]. Соединенные Штаты в настоящий момент превосходят Китай в области стратегических ядерных вооружений и могут счесть применение ядерного оружия целесообразным ходом в том случае, если Китай проявит дерзость и полностью или почти полностью уничтожит военно-морские силы США в морском коридоре, расположенном в 2400 километрах от китайского побережья. Важнее всего то, как руководство в Пекине оценивает эту готовность США нанести огромный удар в ответ на подобный упреждающий удар со стороны КНР. В 1941 году японское верховное командование знало, что упреждающий удар по военно-морским силам США в Перл-Харборе мог вызвать мощную ответную реакцию военного характера, однако они недооценили масштаб ответного удара США, полагая, что Соединенные Штаты в тот период являлись слабым, раздробленным государством, приходившим в упадок. Сегодня ядерное превосходство США, возможно,

и в состоянии убедить китайское руководство, что подобный удар может дать обратный эффект, но никто не знает, как изменится ядерное уравнение через десять лет. Если Китай будет обладать надежным потенциалом стратегического ядерного сдерживания, направленным против Соединенных Штатов, то применение США ядерного оружия в ответ на неядерное нападение Китая на американские вооруженные силы по типу Перл-Харбора может стать менее вероятным сценарием.

Обсуждение экспертами США вопроса о китайском потенциале А2/АD привело к разработке множества предложений о том, как решить эту проблему. Некоторые из решений основаны на использовании контрмер [см.: Cliff R., 2007: 95–103]. В 2012 году вооруженные силы США представили проект концепции совместного оперативного доступа. В мае 2013 года в сокращенном и рассекреченном варианте была опубликована концепция боевых действий в воздухе и на море. Обе концепции направлены на разработку мер, снижающих уязвимость стационарных установок США в регионе, а также военных кораблей США (в частности, авианосцев). В них также предлагается применение более эффективных мер по интеграции усилий всех служб внутри соответствующих сфер деятельности (суша, морское пространство, воздушное пространство, киберпространство, космос и разведка).

Критики отметили, однако, что большинство этих мер не ведут к нахождению реального решения проблем, создаваемых китайской стратегией ASCEl, и могут лишь укрепить представление о том, что Соединенные Штаты приступают к полноценной политике сдержива-

ния Китая. Это могло бы лишь усилить ощущение незащищенности Китая и добавить военный аспект в скрытый конфликт между Соединенными Штатами и Китаем [см.: Ratner E., 2013: 21–38].

Тем временем некоторые предлагают решения более широкого, стратегического характера. Одна группа ученых выступает за уход США из Азии: они считают, что США следует перейти от стратегии прямого участия к стратегии балансировки системы из-за рубежа [см.: Posen B.R., 2013: 116–128; Wait S.M., 2011: 6–16; Layne Chr., 2002: 233–248]. Однако подобное отступление может не решить проблем, с которыми США надеются разобраться в регионе. Снижение участия США в международных процессах, как написал один ученый, может нанести еще больший урон положению Соединенных Штатов [Montgomery E.B., 2014: 148].

Некоторые указывают на сложный характер американо-китайских отношений и на практически неразрешимые проблемы, связанные с осуществлением любой политики сдерживания. Как написал один эксперт, США находятся перед тяжелым испытанием.

США имеют прочные экономические связи с Китаем. Эти связи представляют ценность, поскольку они приносят США абсолютную выгоду, в то же время многие считают, что относительная выгода от американо-китайских экономических отношений выше для Пекина и получаемые Китаем средства все больше используются им для наращивания военного потенциала, что, в свою очередь, угрожает безопасности Соединенных Штатов и их близких союзников в Азии. У этой проблемы нет простого решения.

С уверенностью можно говорить лишь об одном – сдерживание сегодня является невыполнимой задачей, даже если оно представляет собой самый необходимый инструмент ограничения китайского могущества [Tellis A., 2013: 111].

Как следствие, требуется обращение к новым формам дипломатии и двусторонних отношений, таким как взаимопонимание в отношении морских операций на спорных морских территориях или же ведение стратегического диалога для определения ключевых интересов обеих сторон в регионе и поиска потенциальных сфер сотрудничества (например, получение возможности пользоваться морскими путями, крайне важными для торговли) [см.: Manicom J., 2014: 345–371; Patalano A., Manicom J., 2014: 343].

Эта дискуссия продолжается, и ее итог тяжело предсказать. Все это показывает, что движущей силой военного соперничества между Соединенными Штатами (и, возможно, Японией) и Китаем в Восточной Азии является целый комплекс факторов. Это соперничество все чаще рассматривается как высоко динамичный процесс, открытый для военной эскалации, что, в свою очередь, будет иметь последствия для всего региона и даже за его пределами, однако отнюдь не приведет к автоматическому развязыванию новой мировой войны. Структурные сходства данной ситуации с ситуацией в Европе до 1914 года найти непросто. Для оценки тех факторов в ситуации 1914 года, которые актуальны и для настоящего положения в Восточной Азии, представляется целесообразным рассмотреть новейшие военные технологии и уделить особое внимание последовательностям действий

и реакций, в которых задействуются современные технологии, в конкретных географических и политических обстоятельствах.

Роль международных институтов

В период до начала Первой мировой войны международные нормы и институты, ограничивающие использование силы в международных отношениях, не имели практически никакой силы. Возможно, именно международные институты, такие как Организация Объединенных Наций, изменили характер дипломатии и остановили победоносное шествие дипломатии «машин Судного дня» [Kissinger H.A., 1995: гл. 7]. Международные институты не отличаются большим влиянием в современной Восточной Азии, однако в отличие от Европы в период до 1914 года здесь по крайней мере существует несколько региональных и трансрегиональных организаций, занимающихся посредничеством в разрешении морских территориальных споров. В частности, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в течение 30 лет работала над тем, чтобы подтолкнуть Китай к участию в многосторонних форумах, в рамках которых могут обсуждаться вопросы морского права и безопасности. Эти попытки не увенчались значительными успехами. Отчасти это связано с тем, что Пекин отказывается решать проблемы, существующие в его окружении, на многосторонней основе, а отчасти это объясняется недостаточным чувством единства среди различных государств – членов АСЕАН, имеющих неразрешенные морские споры между собой.

Единственными успехами до настоящего времени было подписание 4 ноября 2002 года государствами АСЕАН и Китаем Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море и дополнительного документа от июля 2011 года, в котором уточнялись некоторые из положений документа 2002 года.¹⁴ Эти соглашения, однако, не привели к реальному снижению напряжения в регионе. Надежды на то, что Япония и Китай смогут найти общий фундамент для строительства регионального режима в Восточно-Китайском море, оказались преждевременными [см.: Valencia M.J., Amae, Y., 2003: 189–208].

Заключение

Попытка оценить вероятность начала полномасштабного конфликта в Восточной Азии через призму европейского опыта, несомненно, является интересным экспериментом. Однако не стоит ожидать, что это исследование предоставит политикам, ученым и обозревателям универсальный ответ на все вопросы касательно того, что происходит в Восточной Азии сегодня. Тем не менее, как мы пытались показать в этой статье, опыт поиска структурных аналогий между Европой в 1914 году и Восточной Азией в 2014 году обладает определенной ценностью. Оба региона наслаждались несколькими десятилетиями мира и экономического процветания, что стало возможно благодаря распростране-

нию экономической глобализации. Поэтому представляется целесообразным задать вопрос, почему Европа двигалась по направлению к пропасти и какие выводы, актуальные для современной Восточной Азии, можно извлечь из европейского урока. При поиске структурных аналогий теоретические дискуссии на тему международных отношений представляют очень ограниченную ценность. Как модель «ловушки Фукидида» (структурный реализм), так и теории институционалистов, либералов и конструктивистов дают лишь общее представление о том, как необходимо понимать международные отношения. Эти теории не дают нам инструментов для более детальной оценки опасности войны в Восточной Азии.

В стремлении обозначить выводы, которые указывали бы на искомые структурные аналогии, было выделено четыре очевидных урока.

1. Ключевую роль играет характер международной системы (как глобальной, так и региональной). Решающее значение имеет то, чем характеризуется международная система: полной анархией (и стремлением к самообороне) или же более-менее развитым и институционализированным пониманием способов поддержания мира и путей организации экономического обмена, разделяемых основными участниками международной системы. Ситуация в период до Первой мировой войны заключалась в том, что довольно успешный либеральный международный экономический порядок (заложенный Великобританией) высвободил экономические силы и процессы, ставшие стимулами для структурных сдвигов в соотношении военных сил. Эти сдвиги

¹⁴ Текст Декларации о правилах поведения сторон в Восточном море от 2002 года можно найти на сайте АСЕАН: <http://www.asean.org/asean/external-relations/china/item/declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea>. Что касается последнего документа, см. 'RPT—China, ASEAN set "guidelines" on sea row, but no deal expected', Reuters News Agency, 20 July 2011, <http://www.reuters.com/article/2011/07/20/asean-southchina-sea-idUSL3E71K0M620ii0720>.

в конце концов поспособствовали уничтожению существующего порядка международной безопасности. Между этой ситуацией и положением в современной Восточной Азии можно провести ряд параллелей. Мы вновь наблюдаем международный экономический порядок либерального толка, высвободивший экономические силы и процессы (прежде всего связанные с экономическим подъемом Китая, но также с развитием ряда других стран), которые, в свою очередь, воплощаются в виде структурных изменений в военной сфере. В стратегическом балансе сил в Восточной Азии происходят существенные изменения, что связано с растущей настойчивостью и даже агрессивностью Китая и относительным упадком Соединенных Штатов. В отличие от Европы на пороге двадцатого века, существующий порядок международной безопасности в Восточной Азии еще нельзя охарактеризовать как полную анархию. Однако действующие в регионе институты слабы, а влияние Соединенных Штатов как внешней силы, снижающей напряжение в регионе, постепенно уменьшается, что связано с наращиванием Китаем военного потенциала. Региональные институты будут оставаться слабыми из-за нехватки единогласия среди держав малого и среднего размера, а также из-за того, что они продолжают настаивать на признании своего суверенитета. Маловероятно, что Китай возьмет на себя роль внешней «успокаивающей» силы, по крайней мере это была бы не роль «добротного» гегемона, то есть такого гегемона, которого принимают и признают остальные страны. Следовательно, данная международная региональная система включает в

себя ряд неопределенностей и полную опасностей, связанных с возможностью начала вооруженного конфликта на почве территориальных споров и других проблем. Однако само по себе осознание того, что международная система в Восточной Азии полна неопределенностей, не дает нам инструментов для прогнозирования вероятности основной войны.

2. Внутриполитические факторы играли важную роль в Европе: они не только поспособствовали началу Первой мировой войны, но также привели в движение смертоносные механизмы, столь долго не позволявшие завершить войну. Первая мировая война не является доказательством теории демократического мира, согласно которой демократии не воюют друг с другом (если только не придерживаться старой пропагандистской идеи о том, что в 1914 году Великобритания, Франция и Россия были полноценными демократиями, а Германия – нет). Реальность была гораздо сложнее. Во всех столицах (кроме Санкт-Петербурга) правительствам приходилось преодолевать значительные парламентские препятствия для того, чтобы начать войну; особенно непростой была ситуация в Берлине, поскольку кайзер не мог начать войну без одобрения парламента, в котором господствовали политические партии, придерживающиеся взглядов, более или менее отличных от взглядов главы государства. По сути, Первая мировая война продемонстрировала, насколько легко националистические настроения в стране позволяют обойти внутренние институциональные препятствия на пути к войне. Война также показала, как общественное мнение и националистические чувства публики могут сделать окончание

войны практически неосуществимой задачей. Ситуация в современной Восточной Азии имеет некоторые сходства с положением в Европе 100 лет назад, но с рядом поправок. Сегодня в Восточной Азии довольно широко распространены националистические настроения, что в теории может превратить незначительное военное столкновение в полномасштабную конфронтацию. Однако поскольку с географической точки зрения Азия существенно отличается от Европы, нельзя сделать уверенный вывод о том, что такая эскалация привела бы к войне, сопоставимой по масштабам с конфликтом, который начался в Европе в 1914 году.

3. Ни отсутствие стабильного международного порядка, ни присутствие сильных националистических настроений в обществе не могут сами по себе объяснить причины эскалации небольшого конфликта до масштабов мировой войны. Для возникновения полномасштабной войны также требуется присутствие по крайней мере одной державы, которая находится в изоляции от мирового сообщества и считает, что сама история пытается предотвратить ее возвышение. Такая держава может оказаться готова пойти на величайшие риски, если международная изоляция, в которой она находится, обрекает ее на ощутимую стратегическую уязвимость. Таким было положение Германии в 1914 году; из всех стран современной Восточной Азии лишь Северная Корея может играть эту роль.

4. Необходимо учитывать изменения военно-технического характера, происходящие в регионе, а также их взаимодействие с другими элементами в широких стратегических рамках. В этой сфере особое

внимание, безусловно, необходимо уделить Корейскому полуострову, но даже еще более высокие риски связаны с растущим военным соперничеством между Соединенными Штатами и Китаем за контроль над Южно-Китайским и Восточно-Китайским морями и водами за их пределами. Текущий процесс наращивания Китаем потенциала А2/AD может в итоге заставить китайское руководство серьезно рассмотреть вопрос о ликвидации военного присутствия США в соседнем с Китаем регионе – такая операция будет представлять собой неожиданный удар, сочетающий кинетическое оружие, средства ведения информационной и кибервойны. Вряд ли Китай сегодня рассматривает возможность осуществления такой операции по типу Перл-Харбора, однако военные приготовления НОАК осуществляются в схожем направлении. Скорее всего политическая цель всех этих усилий по вооружению китайской армии состоит в необходимости подать соседним государствам сигнал о том, что для них нет смысла создавать военные союзы с Соединенными Штатами, и дать Соединенным Штатам понять, что Вашингтон не может иметь хорошие отношения с Пекином и одновременно заключать военные союзы в регионе. Нельзя, однако, исключать возможность того, что китайское руководство через некоторое время может решить раз и навсегда показать другим государствам, кто «главный» в Восточной Азии. Опять же, как и в случае Первой мировой войны, самая современная военная техника в сочетании с благоприятными географическими факторами и заранее просчитанной последовательностью действий противни-

ка могут дать Китаю стимул первым нанести удар. По крайней мере, в отличие от ситуации 1914 года, когда большинство держав вели себя как сомнамбулы, сегодня Соединенные Штаты и ряд азиатских государств ясно представляют себе все существующие риски и проблемы.

Библиография

Albrecht-Carrie R. A diplomatic history of Europe since the Congress of Vienna. New York: Harper & Row, 1958.

Albrecht-Carrie R. France, Europe and the two world wars. Westport, CT: Greenwood, 1961.

Albrecht-Carrie R. The Concert of Europe 1815–1914. New York: Harper

Torchbooks, 1968.

Beatty J. The lost history of 1914: how the Great War was not inevitable. London: Bloomsbury, 2012.

Best G. The militarization of European societies, 1870–1914 // The militarization of the western world / ed. by Gillis J. New Brunswick: Rutgers University Press, 1989.

Bisley N. It's not 1914 all over again: Asia is preparing to avoid war // The Conversation website, 10.03.2014, <http://theconversation.com>, accessed 30 Sept. 2014.

Bridge R., Bullen R. The Great Powers and the European states system, 1814–1914, 2nd ed. London: Longman & Pearson, 2005.

Broadberry S., Broadberry S. N. The economics of World War One: a comparative quantitative analysis. Coventry: University of Warwick, 2005 // <http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/academic/harrison/papers/ww1toronto2.pdf>.

Buszynski L. The South China Sea: oil, maritime claims, and US–China strategic rivalry // Washington Quarterly, 2012. № 3.

Chong J.I., Hall T.H. The lessons of 1914 for East Asia today // International Security, 2014. № 1

Cimbala S.J. Anticipatory attacks: nuclear crisis stability in future Asia // Comparative Strategy, 2008. № 1.

Clark Chr. The sleepwalkers: how Europe went to war in 1914. New York: HarperCollins, 2013.

Cliff R., Burles M., Chase M.S., Eaton D. and Pollpeter K.L. Entering the dragon's lair: the implications of Chinese antiaccess strategies. Santa Monica, CA: RAND, 2007.

Cooper H., Perlez J. US sway in Asia is imperiled as China challenges alliances // New York Times, 31.05.2014.

Crampton R. J. The decline of the Concert of Europe in the Balkans, 1913–1914 // Slavonic and East European Review, July 1974.

Department of the Army, Department of the Navy, Department of the Navy–Marine Corps, Department of the Air Force: Air–sea battle: service collaboration to address anti-access and area denial challenges. Washington DC: Department of Defense, May 2013.

Deutsch K.W., Eckstein A. National industrialization and the declining share of the international economic sector, 1890–1959 // World Politics, 1961. № 1.

Bull H. The anarchic society: a study of order in world politics New York: Columbia University Press, 1977.

Dupont A., Baker Chr. G. East Asia's maritime disputes: fishing in troubled waters // Washington Quarterly, 2014. № 1.

Dupont A., Baker Chr. G. East Asia's maritime disputes: fishing in troubled waters // Washington Quarterly, 2014. № 1.

Evera S. van. The cult of the offensive and the origins of the First World War // International Security, 1984.

Fischer F. War of illusions: German policies from 1911 to 1914. New York: Norton, 1975.

Fischer F., Farrar L.L., Kimber R., Kimber R. World power or decline: the controversy over Germany's aims in the First World War. New York: Norton, 1974.

Friedberg A.L. Beyond air–sea battle: the debate over US military strategy in Asia. Abingdon: Routledge for IISS, 2014.

Friedberg A.L. A contest for supremacy: China, America, and the struggle for mastery in Asia. New York: Norton, 2011.

- Gentz F. von. Revolution und Gleichgewicht. Politische Schriften. Waltrop and Leipzig: Manuscriptum, 2010.
- Geyer D. Russian imperialism: the interaction of domestic and foreign policy 1860–1914. New Haven, CT: Yale University Press, 1987.
- Gilpin R. War and change in world politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Goldsmith B.E. A liberal peace in Asia? // Journal of Peace Research, 2007. №1.
- Great War, total war: combat and mobilization on the Western Front, 1914–1918 / ed. by Chickering R., Forster S. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Harkavy R. Preemption and two-front conventional warfare. Jerusalem: Leonard Davis Institute for International Relations, 1977.
- Herrmann D.G. The arming of Europe and the making of the First World War. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.
- Hildebrand K. Das vergangene Reich. Deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler, 1871–1945. Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1995.
- Hofschroer P. Leipzig 1813: the battle of the nations. Oxford: Osprey, 1993.
- Holborn H. The political collapse of Europe. New York: Knopf, 1951.
- Ikenberry G.J. After victory: institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.
- International Institute for Strategic Studies (IISS). The military balance 2014. London: Routledge, 2014.
- Joll J. The origins of the First World War. London and New York: Longman, 1984.
- Jones E. The European miracle: environments, economies and geopolitics in the history of Europe and Asia, 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Kaplan R.D. The geography of Chinese power: how far can Beijing reach on land and at sea? // Foreign Affairs, 2010. №3.
- Keiger John F. V. France and the origins of the First World War. New York: St Martin's Press, 1983.
- Kennan G.F. The decline of Bismarck's European order. Franco-Russian relations, 1875–1890. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979.
- Kennedy P. M. The rise of the Anglo-German antagonism, 1860–1914. London: Humanity Books, 1987.
- Kennedy P. M. The First World War and the international power system // International Security, 1984. №1.
- Kennedy P.M. The rise and fall of the Great Powers. New York: Random House, 1987.
- Kennwood A. G., Loughheed, A. L. The growth of the international economy 1820–2000. London and New York: Routledge, 1999.
- Kissinger H. A. Diplomacy. London: Simon & Schuster, 1995.
- Kissinger H.A. World order: reflections on the character of nations and the course of history. London: Allen Lane, 2014.
- Krepinevich A., Watts B., Work R. Meeting the anti-access and area-denial challenge. Washington DC: Center for Strategic and Budgetary Assessment, 2003.
- Laski H.D. Reflections on the revolutions of our time. New York: Viking, 1943.
- Layne Chr. Kant or cant: the myth of the democratic peace // International Security, 1994. №2.
- Layne Chr. Offshore balancing revisited // Washington Quarterly, 2002. №2.
- Le Miere Chr. The spectre of an Asian arms race // Survival, 2014. №1.
- Lee J. China's geostrategic search for oil // Washington Quarterly, 2012. №3.
- MacMillan M. The rhyme of history: lessons of the Great War. Washington DC: Brookings Institution, 2013.
- Maddison A. Contours of the world economy, 1–2030 ad: essays in macro-economic history. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Maddison A. The West and the rest in the world economy: 1000–2030. Maddisonian and Malthusian interpretations', World Economics, 2008. №4.
- Maddison A. The world economy. Vol. 1: A millennial perspective. Paris: OECD, 2001.

- Manicom J. China and American seapower in East Asia: is accommodation possible? // *Journal of Strategic Studies*, 2014. №3.
- Mearsheimer J. The gathering storm: China's challenge to US power in Asia // *Chinese Journal of International Politics*, 2010. №4.
- Mitchell B.R. *International historical statistics: Europe*. 4th ed. London: Palgrave Macmillan, 1998.
- Moltke H. von. 1848–1916. *Dokumente zu seinem Leben und Wirken*. Vol. 1. Basle: Perseus, 1993.
- Mombauer A. *Helmuth von Moltke and the origins of the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Mombauer A. *The origins of the First World War: controversies and consensus*. Abingdon: Routledge, 2002.
- Mombauer A. The Fischer controversy 50 years on // *Journal of Contemporary History*, 2013. №2.
- Mommsen W. *Imperial Germany 1867–1918: politics, culture, and society in an authoritarian state*. London: Arnold, 1995.
- Montgomery E.B. Contested primacy in the western Pacific: China's rise and the future of US power projection // *International Security*, 2014. №4.
- Morgenthau H.J. *Politics among nations: the struggle for power and peace*. 3d ed. New York: Knopf, 1963.
- Mulligan W. *The origins of the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Neilson K. "Greatly exaggerated": the myth of the decline of Great Britain before 1914 // *International History Review*. 1991. №4.
- North D.C., Thomas R.P. *The rise of the western world: a new economic history*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- Oren I. The subjectivity of the "democratic" peace: changing US perceptions of imperial Germany // *International Security*, 1995. №2.
- Otte T.G. *The Foreign Office mind: the making of British foreign policy, 1865–1914*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2013.
- Parchami A. *Hegemonic peace and empire: the Pax Romana, Britannica and Americana*. London: Taylor & Francis, 2009.
- Patalano A., Manicom J. Rising tides: sea-power and regional security in northeast Asia // *Journal of Strategic Studies*, 2014. №3.
- Perlez J. Japan's leader compares strain with China to Germany and Britain in 1914 // *New York Times*, 23.01.2014.
- Pomeranz K. *The great divergence: China, Europe, and the making of the modern world economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000.
- Posen B.R. Pull back: the case for a less activist foreign policy // *Foreign Affairs*, 2013. №2.
- Raine S., Le Miere Chr. *Regional disorder: the South China Sea disputes*. London: Routledge, 2013.
- Ratner E. Rebalancing to Asia with an insecure China // *Washington Quarterly*, 2013. №2.
- Reynolds D. *Britannia overruled: British policy and world power in the twentieth century*. Abingdon: Routledge, 2001.
- Rich N. *Great Power diplomacy 1814–1914*. New York: McGraw Hill, 1992.
- Russett B. *Grasping the democratic peace: principles for a post-Cold War world*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
- Sagan S.D. 1914 revisited: allies, offense and instability // *International Security*, 1986. №2.
- Saunders P. 1914 and 2014 in Europe and Asia. Tokyo Foundation website, 10.03.2014, <http://www.tokyofoundation.org>.
- Schroeder P. Economic integration and the European international system // *American Historical Review*, 1993. №4.
- Schroeder P. The 19th-century international system: changes in the structure // *World Politics*, 1986. №1.
- Schroeder P. World War One as Galloping Gertie: a reply to Joachim Remak // *Journal of Modern History*, 1972. №2.
- Schroeder P.W. *Austria, Great Britain, and the Crimean War: the destruction of the European Concert*. Ithaca, NY, and London: Cornell University Press, 1972.
- Schumpeter J. *Sociology of imperialism* // *The economics and sociology of capitalism* / ed. by Swedberg R. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.

- Shambaugh D. Modernizing China's military: progress, problems and prospects. Berkeley, CA: University of California Press, 2002.
- Snyder J. The ideology of the offensive: military decision-making and the disasters of 1914. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1984.
- Snyder J. Better now than later: the paradox of 1914 as everyone's favored year for war // International Security, 2014. №1.
- Spiro D. E. The insignificance of the liberal peace // International Security, 1994. №2.
- Steinberg J. Old knowledge and new research: a summary of the conference on the Fischer controversy 50 years on // Journal of Contemporary History, 2013. №2.
- Stevenson D. Cataclysm: the First World War as political tragedy . New York: Basic Books, 2004. Hamilton R.F., Herwig H.W. Decisions for war 1914–1917. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Stevenson D. With our backs to the wall: victory and defeat in 1918. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.
- Stevenson D. War by timetable? The railway race before 1914 // Past and Present, 1999. №1.
- Strachan H. The First World War. London: Penguin, 2005.
- Strikwerda C. The troubled origins of European economic integration: international iron and steel and labor migration in the era of World War I // American Historical Review, 1993. №4.
- Taubenberger J. K., Morens D. 1918 influenza: the mother of all pandemics // Emerging Infectious Disease Journal, 2006. №1.
- Taylor B. The South China Sea is not a flash-point // Washington Quarterly, 2014. №1.
- Tellis A. Balancing without containment: a US strategy for confronting China's rise // Washington Quarterly, 2013. №4.
- The Holstein papers: the memoirs, diaries and correspondence of Friedrich von Holstein / ed. by Rich N., Fisher M.H. Cambridge: Cambridge University Press, 1958.
- The outbreak of World War I: causes and responsibilities / ed. by Herwig H.W. Boston: Houghton Mifflin, 1997.
- Till G. Asia's naval expansion: an arms race in the making? Abingdon: Routledge for IISS, 2012.
- Tol J. van, Gunzinger M., Krepinevich A., Thomas J. Air-sea battle: a point-of-departure operational concept. Washington DC: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2010.
- Tuchman B.W. The guns of August. London: Macmillan, 1962.
- Vagts A. A history of militarism. New York: Meridian, 1959.
- Valencia M.J., Amae Y. Regime building in the East China Sea // Ocean Development and International Law, 2003. №2.
- Valencia M.J. Energy and insecurity in Asia // Survival, 1997. №3.
- Valencia M.J. South China Sea: present and potential coastal area resource use conflicts // Ocean Management, 1979. №1.
- Valencia M.J. The East China Sea dispute—context, claims, issues, and possible solutions // Asian Perspective, 2007. №1.
- Walt S.M. The end of the American era // The National Interest, Nov.–Dec. 2011.
- Waltz K. The spread of nuclear weapons: more may better. Adelphi Paper № 171. London: International Institute for Strategic Studies, 1981.
- White H. The China choice: why America should share power. Collingwood, Australia: Black, 2012.
- Xuetong Y. Ancient Chinese political thought, modern Chinese power Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.
- Young P. Globalization and the Great Exhibition: the Victorian new world order. London: Palgrave, 2009.

Joachim KRAUSE,
*professor, Head of the Chair of
International Relations at the
University of Kiel*

Assessing the danger of war: parallels and differences between Europe in 1914 and East Asia in 2014

ABSTRACT. *The article looks at structural analogies between the strategic situation in Europe in the summer of 1914 and in East Asia today, with particular emphasis on the probability of the outbreak of a major war. The author examines analogies regarding the nature of the international system, i.e. is the international system characterized by outright anarchy or by a more or less developed and institutionalized understanding among the main actors about the way to preserve peace and to organize economic exchange? The article addresses domestic factors (nationalism, democratic, authoritarian or semi-democratic regimes) and investigates military dynamics against the backdrop of*

geography and the availability of military equipment and technologies. Possible routes of military escalation are also discussed. Special attention is paid to states that have isolated themselves and that dispose of military means that might promise swift victory. The article comes to the conclusion that there are very few similarities between Europe in 1914 and East Asia today, but that both the high degree of militarization of the Korean peninsula and the evolving military competition between the US and China in the region do imply the possibility of a major armed conflict in a not too distant future.

KEYWORDS: World War I, Europe, Eastern Asia, Conflict.